

Алан Кранк

СОЛЬСК

Алан Кранк

Сольск

«ИТРК»

2017

УДК 82-312.9
ББК 84-445

Кранк А.

Сольск / А. Кранк — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-405-5

Инопланетянин, запечатанный в вирусную ДНК, просыпается. Он голоден. Ему надо расти. Его жертвами становятся тысячи. Не будет помощи извне. Он позаботился о том, чтобы умирающий город хранил молчание. Студент и старик-врач волею судьбы оказались в числе немногих выживших. Оба далеки от мысли о спасении города. Но именно им предстоит вступить в схватку со злом.

УДК 82-312.9

ББК 84-445

ISBN 978-5-88010-405-5

© Кранк А., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Часть вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алан Кранк

Сольск

Паразитизм – один из типов сосуществования организмов. Физиология паразита подчинена физиологии хозяина, и его жизненный цикл (само его существование или размножение) невозможен (или сильно затруднен) без получения от хозяина необходимых для него биологических ресурсов.

Существуют <...> различные формы «социального паразитизма» <...>. Социальные паразиты получают выгоду от взаимодействия с группировками социальных животных <...>, используя особенности их общественной организации.

Паразиты <...> прибегают к гораздо более изощренным методам использования хозяина в своих целях – таких, как изменение поведения хозяина.

Всего на долю паразитарных заболеваний приходится около 14 000 000 смертей в год, что составляет 25 % от общемирового показателя смертности – <...> по данным ВОЗ.

Википедия. Статья «Паразитизм»

Пролог

– Мазефака! – воскликнул Амади, что должно было означать «эврика».

Сцена за грязным стеклом аквариума подтверждала его самые смелые предположения. Оно (она или он – Амади не знал, как будет правильно) действительно существует.

После введения препарата активность насекомых выросла в разы. Рабочие муравьи растерзали матку и ее ближайшее окружение, а после этого принялись готовить место под новый муравейник. Как и крыса, они старались избегать яркого света и прятались в тень.

Через месяц Амади выступит с докладом на собрании общества вирусологов в Лейпциге. Это будет, как минимум, новой точкой отсчета в биологии, а скорее, началом новой эры в истории человечества.

Да, все верно, ребята из Института экологической химии четыре года назад обнаружили органическое соединение в Мурчисонском метеорите (его нашли где-то в Австралии), но ведь это было совсем другое. Между молекулами органических кислот и живым инопланетным организмом все-таки есть некоторая разница. Этому существу миллиарды лет. С ума сойти! Оно существовало уже задолго до возникновения Земли.

В тесной темной кладовой, переоборудованной под лабораторию, он слышал гром аплодисментов. Участники церемонии вручения Нобелевской премии аплодировали стоя. Сотни вспышек фотокамер превратили темный зал перед ним в звездное небо.

– Мне просто повезло, – скромно прокомментирует он свой успех.

И это будет чистая правда. Простой чернокожий парень из сомалийской деревни в свои сорок два добрался до научного Олимпа. Вряд ли это можно объяснить одним трудолюбием и остротой ума. Для такого финала на небе должны были правильно выстроиться звезды.

Отец посоветовал ему выбросить глупости из головы, когда в двенадцать лет он заявил, что собирается учиться дальше. Старший брат Тай смеялся над ним две недели, выкрикивал: «Будь мужчиной!» и совал ему под нос АКМ.

Что ж, Время рассудило, кто из них был прав. Большинство его сверстников уже покоились в земле. Гражданская война, СПИД и эбола делали свое черное дело. Те, кто все еще

оставался в живых, промышляли пиратством и разбоем. Иными словами, готовились отправиться вслед за умершими.

Конечно, ему повезло. Ему везло все эти сорок два года, а теперь фантастически повезло. Уже полученные результаты были потрясающими. И даже если он завтра же вернется домой из русской глуши, его ждет триумф. Но беда в том, что он стоял на пороге еще более удивительных открытий, и остановиться значило подарить их кому-то еще. Он чувствовал себя как игрок в казино, набивший полные карманы выигранными фишками, задумчиво стоящий у последнего стола перед выходом из игрового зала. Выиграно много, но можно сорвать еще больший куш. На выход или сыграть в последний раз?

Надо было посоветоваться с Бобом. Амади повернулся к другому аквариуму, где, тяжело дыша, на боку лежала белая крыса.

– А ты что думаешь, дружище?

Боб его не услышал. Ему было не до совещаний. Введенный препарат медленно убивал его.

– Эй, будешь сухарик?

Боб не шевельнулся. Вторые сутки он отказывался от еды и прятал голову под блюдце.

Амади аккуратно взял крысу за хвост и поднял ее вверх. Будь Боб здоров, он бы уже вывернулся и вцепился зубами в палец чернокожему исследователю. Но тонкие высохшие лапы мелко дергались в конвульсиях. Шерсть свалаялась. Вытарашенные красные глазки, казалось, вот-вот вывалятся и повиснут на нитках нервов. Жить Бобу оставалось не больше четырех часов.

– Значит, остаемся. Мир ничего не знал об этом двести лет, так пусть побудет в неведении еще две недели, – Амади положил крысу обратно, вымыл руки под струей ржавой воды и открыл ноутбук.

Ганс Вайзберг из австрийского НИИ вирусологии с минуты на минуту должен был при-слать по электронке результаты анализов. Амади, конечно, не сказал ему, откуда взял материал. Пусть пока думает, что это дитя генных инженеров Германии. Потом он сам все ему расскажет, но после того, как появятся сообщения по телевидению и в прессе.

Он напал на след инопланетянина почти случайно, когда искал материал по вспышкам сибирской язвы в России. Потом уже целенаправленно Амади шел к цели, собирая газетные вырезки в толстый синий альбом, который лежал сейчас под лампой на углу стола. К последней странице была приклеена статья доктора Перова из журнала «Психология» от двадцать шестого мая прошлого года. Под ней за два дня до того, как вылетел в Россию, Амади поставил от руки карандашом три буквы: «Q. E. D.».

Вчера он встречался с Перовым. Тот обещал показать ему новых пациентов, когда они появятся. Очень конструктивный дед с гибким умом. Удивительно наблюдать таких людей в Богом забытой глубинке. И кажется, он уже сообразил, что это очень необычное заболевание и даже не совсем заболевание. Но он все равно бесконечно далек от понимания того, с чем имеет дело. Надо будет отблагодарить его. Не сейчас. Позже. Когда деньги посыплются на черную кучерявую голову Амади Аль-Бакрейна. Ха-ха-ха! Парень из африканских трущоб станет мировой знаменитостью. Это будет вторым чудом, которое он откроет миру. Ведь он обещал Матильде, что они будут сказочно богаты.

Главное – его не спугнуть. Такое древнее существо должно быть очень умным и хитрым.

Часть первая Немного истории

*Не спрашивай меня, куда звезда скатилась.
О, я тебя молю, безмолвствуй, не дыши.
Я чувствую – она лучисто раздробилась
На глубине моей души.*

Владимир Набоков. О чем я думаю? О падающих звездах...

1.

В ночь с 27 на 28 июля 1832 года старая борзая Гертруда, жившая во дворе приказчика, увидела на небе мерцающую светлую точку. Огонек рос, и когда достиг размеров яблока, вдруг резко пошел вниз. За лесом на мгновение вспыхнуло зарево. Раздались раскаты грома. Падающие звезды она видела не раз, но впервые услышала, как звезда ударилась о землю. Гертруда подняла морду к небу и понюхала воздух. Гарь, раскаленный камень, горелая трава и резкий запах, который она прежде не встречала, – едкий, похожий на серу. Он сразу не понравился ей. Полгода спустя Гертруда узнала, что так пахнет голод и страх.

2.

В избе было отвратительно душно. Макар спал на полу. Оглушительный удар разбудил его и заставил вскочить на ноги. Он покрутил головой, пытаясь сообразить, откуда стреляли, и ошупал пояс. Шашки не было. Где он бросил ружье, он тоже не помнил. Стоп. Какое к черту ружье? Он уже четыре года, как дома.

Снова приснилось. Макар собрался лечь, но взгляд упал на ведро на полу. Мерцающая в лунном свете, по воде расходились круги. Землетрясение? Он уже видел такое пятнадцать лет назад под Ольховкой. Земля дрожала так, что невозможно было устоять.

Макар прислушался, и ему показалось, что кто-то ходит по дому. Четвертый год он жил один. Жена умерла, дочери вышли замуж еще до того, как он вернулся со службы.

В небе засвистело, и два гулких удара, сотрясающих пол, поставили точку в его размышлениях. В сенях зазвенели кастрюли и чашки. Из сарая заревела испуганная Эльза. (Всех домашних животных, и в первую очередь свиней, Макар, исключительно из патриотических соображений, назвал немецкими именами.)

В избе у соседей загорелся свет.

Он потянулся за лучиной и тут же одернул себя. Нет. Свет не нужен. Лучше он будет видеть то, что происходит снаружи, чем кто-то снаружи будет видеть, что происходит в избе.

Еще раз громыхнуло. Где-то совсем близко.

Бывший артиллерист привычно открыл рот, чтобы не оглохнуть. Что, черт возьми, происходит? Турки или французы? Да нет. Как можно? Это ведь не приграничная станица. Может, восстание? В последнее время про них в газетах часто пишут. Только по кому они палят? По деревьям что ли?

Привычно в два взмаха он натянул штаны, набросил рубаху и схватил со стола табакерку. Его немного трясло от возбуждения. Вот оно – настоящее дело. Воевать – это тебе не кур с козами по двору считать. По военному делу специалистов в поместье их двое: он да барин. У

барина офицерский чин, а у него четыре медали и серебряный портсигар с гравировкой «За мужество и отвагу» – подарок командира полка.

Он подошел к окну и забыл и про барина, и про войну. С неба сыпались звезды. Много: десятки, может быть, сотни – Макар не мог сосчитать. Они вспыхивали, потом у них вырастали хвосты, и вдруг звезды эти резко падали вниз, расчеркивая огненными линиями черный небосвод. Большинство сгорало в черном воздухе, но те, что достигали земли, громко разрывались за лесом.

Что-то мелькнуло в окне за спиной. Макар резко обернулся. Белое лицо за стеклом беззвучно раскрывало рот. Не меньше трех секунд кучер Трифон казался ему утонувшем в прошлом году мельником Петром. По селу ходили слухи, что тот стучится ночами в избы и просит пустить на ночлег.

Макар шумно выдохнул, вышел в сени, снял засов и отворил дверь.

– Выходи. Батюшка всех к церкви собирает.

За спиной кучера по дороге медленно плыли белые тени. В голове процессии шел поп с поднятой вверх рукой. Какого черта он снова лезет не в свои сани? Его дело – паски светить да бабам сопли на похоронах утирать, а не со стихией воевать. Однако Макар все же обулся и поторопился присоединиться к остальным.

3.

– Что ж я делаю? Только для того чтобы себя в их глазах поднять, всю деревню на ноги поставил. Это ж чистое язычество – бежать Богу кланяться, когда камни с неба летят. Сам-то Бог, когда время придет, что на это скажет? «Разве не знал ты, что лицемерие – грех? Любое, будь оно даже во славу имени моего».

То, что падающие звезды не имеют никакого отношения к делам мирским в целом и к грехам в частности, отец Игнат знал с первого года учебы в семинарии. Забавно, что книги еретиков читало прежде всего духовенство. Грязная и растрепанная «О бесконечности, Вселенной и мирах» Джордано Бруно в переводе отца Никона тайно ходила по рукам учеников и учителей семинарии не одно десятилетие. «Ничего. Нам можно и нужно, – думал тогда еще семинарист Николай Бобров, запершись с книгой в кабинете отца. – С истинного пути нас такой ерундой не сшибешь. А врага надо знать в лицо».

И действительно, вреда не было никакого. Обретенные знания в области астрономии ничуть не уменьшили его веры, а даже, напротив, поражая размахом и тонкостью устройства Вселенной, укрепляли ее.

Он шел на два шага впереди остальных. Большой серебряный крест в его руке, поднятой вверх, тускло блестел в лунном свете. От холодной дорожной пыли мерзли ноги. Игнат долго в потымах искал второй башмак, прежде чем решил идти босым.

В окнах первого этажа в барском доме горел свет. Увидев процессию, на порог выскочила Екатерина Андреевна, держа за руки дочерей – заспанную пухлую Женечку и тщедушную Вареньку, больную чахоткой.

«А вот если заболит ребенок после ночного крестного хода? А там, глядишь, и помрет. Чем тогда ты свою выходку оправдывать будешь?» – снова спросил себя Игнат. Но отступить было поздно. Остановиться и вернуть девочку домой немислимо. В конце концов у нее есть мать. И опять же – на все воля Господня.

Последним в дверях появился толстый рыжий коротышка Илья Тимофеевич – отставной поручик и заядлый картежник, прокутивший двенадцать лет назад огромное состояние отца. Его, казалось бы, безнадежное финансовое положение спас удачный брак. Сорок тысяч ассигнациями и два имения в приданое. Полжизни в дураках, а вторую в примаках, как поговаривали на селе.

От хозяйского дома до церкви было две минуты ходьбы.

Игнат решил не заходить внутрь. В десяти шагах от дверей он остановился и опустился на колени. Позади зашелестели одежды. Первые две строчки «Отче наш» прозвучали неуверенно и тихо. Странно, что, обращаясь к Богу по самым разным поводам, каждый раз он повторяет одни и те же слова.

Вместо того, чтобы забыть о мирском и устремить взгляд в вечность, как это часто случалось и прежде, в голове завертелись несвоевременные мысли. Все, что он говорит сейчас, обращено не к Богу, а к людям за спиной. Будет ли оправданным лицемерие во имя веры? И только ли интересы Бога собираются он отстаивать сегодня ночью? А что если Бог против? Если укрепление веры таким образом противно ему и не нужно? Кто может сказать наверняка?

– Да светится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли... Аминь.

Ветер наивных вопросов стихал. Сомнения стремительно теряли значение, пока наконец не по казались совершенно бессмысленными и ничтожными.

Молитва набирала силу. С каждым произнесенным словом его голос креп, становился громче, пока не заглушил все остальные звуки. Слов невозможно было разобрать, что создавало атмосферу непостижимого умом таинства. Он повторял молитву снова и снова, пока сам не оказался в ее власти. Он говорил с Богом. Взывал о помиловании несчастных грешников, стоявших за его спиной, все чаще напоминая Ему о Его милости.

Игнат не заметил, когда закончился огненный дождь, и пришел в себя только под утро, когда теплое летнее солнце выглянуло из-за горизонта. По-над землей стелился густой туман.

Он замолк и попытался встать на ноги, которые затекли и дрожали, как у дряхлого старика. Каждый вдох сопровождался скребущей болью в горле. Он хотел переложить крест в левую руку, но не сразу смог раскрыть сведенный судорогой кулак.

За его спиной сорок человек в белых ночных рубахах, шатаясь, поднимались с колен, словно пробуждались от ночного кошмара. Ближе остальных стоял управляющий помещьем отставной солдат Макар. Одной рукой он держал потухший фонарь, а другой отряхивал ночную рубаху, вымазанную на коленях.

Люди тихо шептались, но не расходились, ожидая заключительного слова. Отец Игнат постарался собраться с мыслями. Каждый звук, который сейчас слетит с его губ, будет иметь огромное значение. Именно последние слова запомнятся прихожанам.

– Преклоняя головы перед безграничной силой Господа Бога нашего, помните о его милости. Ее не увидишь, как небесный огонь, и не услышишь, как раскаты грома. Ее широту и глубину видит только сердце. Любовь и милость Его бесконечны. Взгляните на это небо и солнце. После страшной ночи Господь дарит нам прекрасную погоду на день грядущий.

Отец Игнат развел руки в стороны и поднял их к небу.

– Скоро жатва. Бог вам в помощь, – он замолчал, увидев, как вдруг изменилось лицо приказчика. Края губ ушли вверх, а глаза прищурились. Макар смотрел на него как на ребенка, сказавшего глупость.

– Это не туман, а дым, батюшка. Пшеница горит.

Услышав слова управляющего, люди вокруг зашумели, зашморгали носами, пытаясь уловить запах пожара.

– С запада дует, в аккурат всю пшеницу сожжет.

– Что стоять-то. Тушить надо...

– А как ее потушишь? С ведерка польешь?

– Господи Иисусе, да за что ж нам это наказание? Гул голосов нарастал. Теперь и сам Игнат понял, что ошибся. Высушенное солнцем до треска пшеничное поле могло вспыхнуть от брошенного наземь окурка. Что уж говорить о раскаленных докрасна камнях. Ветер раздул и разнес огонь.

– Пусть так. Но нам нечего бояться. Бог милостив... – попробовал он успокоить прихожан. Но толпа зашевелилась, зашумела еще громче, и слова отца Игната утонули в общем гомоне.

4.

– Это конец, – подумал Илья Тимофеевич, вылезая из тарантаса.

Ноги не слушались. Там, где вчера золотилась высокая крупноколосая пшеница, теперь чернела выжженная дотла дымящаяся земля. Прежде ровное поле теперь было сплошь усеяно разновеликими воронками. Он сделал ровно восемь шагов и обнаружил на земле один из упавших с неба камней. Наверняка именно с него и начался пожар. Иначе и не могло быть.

Восемь – было роковым числом Ильи Трофимовича. Восьмерка пик однажды превратила его в нищего, восемь лет после свадьбы у него не было детей, 8 февраля четыре года назад умерла его мать.

Илья Тимофеевич взял камень в руку. Он был теплым и необыкновенно тяжелым.

Это конец. Второй и последний. Первый случился с ним двенадцать лет назад, когда он за одну ночь проиграл в «испанку» имение отца и еще пятьдесят тысяч сверху. Тогда его спас будущий тесть – Петр Федорович Сольский. Царство ему небесное. Схоронили в прошлом году под Покров. Теперь спасти Илью Тимофеевича было некому.

С урожая – а его теперь уже точно не будет – он собирался рассчитаться с банком и соседом, помещиком Ярмолиным, у которого занимал деньги до сентября.

Сначала он профукал наследство, а теперь и приданое. К зиме имение уйдет с молотка. Они съедут в город на квартиру. А дальше – позор и нищета. И если бы эта участь ждала только его одного, тогда еще ладно. Где наша не пропадала. Но Катерина Андреевна? А Женечка? А Варечка? Ей доктор на воды в Баден-Баден ехать прописал. А теперь – какие воды? Сейчас ей семь. Грядущая восьмерка зловеще выглядывала из-за горизонта. Все будет выглядеть вполне закономерно, но дело, конечно, не в Баден-Бадене и не в чахотке. Проклятая восьмерка решила добить его.

Выжженное поле поплыло перед глазами.

– До чего дым едкий, – Илья Тимофеевич скривился и потер кулаками глаза.

– Да, задымило. Точно под Бородином. Возьмите, ваше благородие, – приказчик протянул свернутый вчетверо застиранный платок.

– Не надо. У меня свой есть. На той неделе младшая подарила. Рукодельница растет. Замуж выдавать будем, очередь из женихов до Вологды выстроится, – Илья Тимофеевич вытер слезы и громко высморкался. – Надо обойти вдоль леса, поглядеть. Может, туда дальше к реке что осталось? Только пешком. Лошадь ноги переломает.

– Будет исполнено, ваше благородие, – Макар поправил сапоги и бодро зашагал вглубь тлеющего поля. Скоро он исчез в дыму.

Огонь тушили весь день и всю ночь. Первые две попытки отрезать от огня уцелевшую пшеницу провалились. Лошади, учуяв запах дыма, отказывались идти, а распаханые полосы оказались слишком узкими. Огонь, перескочив через них, двигался дальше.

Лишь на рассвете следующего дня, когда перепахали узкий перешеек между двумя крупными полями, пожар удалось остановить. Уцелело не больше осмьюшки всех хлебов.

5.

Большой черный камень размером с пивную бочку лежал в грязи скотного двора. Илья Тимофеевич деловито стоял над находкой, заложив руки за спину.

– Надо расколоть надвое.

– Пустая затея, Илья Тимофеевич. Только деньги потратим.

Хозяйские прихоти на фоне грядущей большой беды (а в том, что зимой имение ждет голод, Макар уже не сомневался) выглядели особенно глупо, если не сказать цинично. И было что-то еще. Он чувствовал исходящую от метеорита опасность. Никакой логики – только предчувствие. Как двенадцать лет назад в блиндаже, когда он оборвал разговор на полуслове и выбежал наружу, прежде чем в укрытие угодило ядро. Все, кто остались в землянке, погибли.

Макар обошел камень вокруг. Это как гадюка: ничего страшного, пока она в поле зрения и на безопасном расстоянии. В барина же словно черт вселился. Третий день он только и говорил, что о небесных камнях. Илья Тимофеевич как будто одновременно оглох, ослеп и поглухпел. Как можно не чувствовать зла, спрятанного в этой глыбе? Или оно как-то подчинило его себе и через него хочет выбраться на волю? «Брось дуришь, солдат, – тут же мысленно оборвал Макар себя. – Камень есть камень. И ничего больше».

Мог ли он в тот момент отказаться исполнять приказ или отговорить барина от этой затеи? Наверное, мог, но не стал этого делать. То ли потому что не представлял, какими будут последствия этого нелепого предприятия. А может, из-за того, что заключенное в подарок небес зло подчинило себе не только барина.

– По-моему, это и не камень вовсе.

Макар взял заступ и несколько раз стукнул по глыбе. В месте удара черная корка гари откололась, обнажив под собой смятую серебристую поверхность.

– Золото? – лицо Ильи Тимофеевича просветлело, а в глазах запрыгали огоньки.

Макар усмехнулся.

– Железо. Бросаться золотом накладно даже для Архангелов.

– Пилите. То, что свалилось с неба, не может быть простым куском железа. Уверен, там внутри что-то есть.

То расколите, то распилите – фантазия или, скорее, глупость барина воистину не имела границ.

6.

Разделить метеорит на две части поручили кузнецу Архипу, пьянице и сумасброду.

Архипу было тридцать шесть. Десять из них провел в пьяном угаре и еще пять в похмелье. Из-за пьянства работал кузнец плохо. Часами проклинал жизнь и ремесло, вместо того чтобы заняться делом. Хозяева и сам Макар не раз пытались перевоспитать кузнеца. Но бесполезно. У кузнеца была жена Дарья – первая красавица в поместье и девятилетняя дочь Аня. Из-за пьянства Архипа семья жила впроголодь. Два месяца назад из бесполезного человека Архип превратился во вредного: искалечил пегую лошаденку Анабеллу, загнав подковный гвоздь в мягкие ткани копыта.

Работа, которую можно было выполнить за день, растянулась на две недели. Большую часть этого времени Архип провел в бесконечных переходах от конюшни, где лежал камень, к кузнице – там находился инструмент.

Метеорит, как и предсказывал Макар, оказался цельным куском железа. К великому разочарованию Ильи Тимофеевича, внутри ничего нового обнаружено не было. Впрочем, это вовсе не означало, что там ничего не было. В мире существует бездна вещей, которых не увидишь глазом, – вирус, например, или проклятие.

На третий день после выполнения рокового заказа Архип занемог. Всю ночь ему снились кошмары, а наутро солнечный свет слепил, словно раскаленное добела железо. Утром в кузню Архип не пошел, а вместо этого спрятался в погреб. Там, между двух бочек с квашеной капустой в компании двух крыс и полчища пауков он провел больше суток.

Чуть позже странные превращения коснулись и некоторых других людей, которым не посчастливилось встретиться с Архимом. Семилетний мальчик Андрей утром нашел свою мать, горбатую кухарку Лизу, спящей под лавкой. Он разбудил ее, и она подскочила с громким криком. Впервые за шестнадцать лет она опоздала на работу и пересолила хозяйский борщ. А хромой дед Сидор посреди ночи слез с кровати, упал на колени и начал биться головой о пол. В его голове вдруг зазвучали голоса. Он решил, что с ним говорит Бог.

7.

– Илюша, через десять минут обед, – Екатерина Андреевна еще не знала, что борщ будет безнадежно пересолен, и обедать им придется чаем с черствыми ватрушками.

– Через восемь, – поправил он ее про себя, мельком взглянув на часы с кукушкой. Все сходилось. Теперь он уже не сомневался: только что состоялся его последний разговор с женой. – Ешьте без меня.

Илья Тимофеевич поднялся к себе в кабинет, налил из графина стакан водки, опрокинул его и выдохнул в рукав халата.

Все. Шабаш. Вчера крестьяне закончили уборку. Вышло полтора пуда. Это означало голод для крепостных, позор и нищету для хозяев.

Пальцы сжали в руке белый платок с вышитой надписью: «Моему любимому папочке».

Он вытащил мягкое кресло на середину комнаты. Перекинул конец грязной пеньковой веревки через балку перекрытия и затянул узел. Веревку он еще утром нашел во флигеле и полдня носил ее накрученной на плечо.

Прежде чем забраться на спинку кресла, Илья Тимофеевич повернулся к образам в углу. Хотел было перекреститься, но остановился. Идет на смертный грех и крестится. Что-то нескладно выходит. Слезы потекли по морщинистым щекам в поредевшую спутанную бороду.

Илья Тимофеевич наступил на край спинки, и кресло слегка качнулось. Доски пола казались где-то далеко под ним, словно он залез на высокое дерево. Руки сами развели петлю.

Так будет лучше для всех. Конец укорам, сочувствию и смешкам, тягостным раздумьям, угрызениям совести и неловким ситуациям. Конец власти проклятой восьмерки. Конец всему.

Он перестал плакать и собрался. Задышал тяжело и часто. Потом шагнул за край.

Веревка вздрогнула и натянулась. Повисшие над полом пальцы ног мелко задрожали и вытянулись в спазме. Голова скривилась набок, перекошенный рот раскрылся черной дырой в бороде.

Его сняли только к вечеру. Отец Игнат наотрез отказался отпевать барина. Однако похоронить самоубийцу за оградой кладбища Катерина Андреевна ему не позволила.

...Веревка, на которой повесился Илья Тимофеевич, была привязана к восьмому брусу перекрытия, если считать от окна.

8.

Два месяца спустя, в октябре, голодные крепостные впервые пришли к хозяйскому дому просить хлеба. Хлеба дали. По пуду на душу. Через день барыня забрала детей и уехала в город. Навсегда. Макар остался в имении Сольских за главного.

На службах отец Игнат уповал на Бога. Макар не спорил, но помнил, что сам он не Бог и накормить имение одной лепешкой у него вряд ли выйдет. Манна небесная им тоже вряд ли светит. Прокормить шестьдесят восемь душ двадцатью пудами зерна, двенадцатью коровами и шестью лошадьми было заведомо невозможно. Об этом Макар рассказал крепостным на сходе.

– Если кто бежать вздумает, препятствовать не буду. И хозяева теперь вас вряд ли скоро хватятся. В городе, конечно, тоже не мед. Особенно если без работы. Прямая дорога в острог.

А там и до каторги недалеко. Но даже на каторге каждый день у вас будет тарелка пусть худой, но все же пищи. Здесь же зимой мы будем жрать солому и снег.

Три семьи уехали в город. Остальные восприняли известие о неминуемой голодной смерти неожиданно смиренно. Заперлись в домах и почти не выходили. Словно готовясь дать отпор приближающемуся голоду.

9.

Когда во дворе протяжно завывала Гертруда, Макар поднялся с кровати и посмотрел в окно. За стеклом в бледном свете луны маячили черные безмолвные тени. Макар вспомнил июльский огненный дождь. Но теперь люди шли из села, и попа с крестом тоже не было.

Двоих он узнал: деда Сидора – тот сильно припадал на правую ногу и широко размахивал костылем, словно нарочно стараясь задеть кого-нибудь из идущих рядом, и горбатую кухарку Лизу. Позади процессии ехала пустая телега.

– И куда это вы собрались, братцы?

С пустыми телегами с дому не бегут, и по грибы в три часа ночи тоже не ходят. Не иначе за зерном. Как он ни старался, а видно, все равно не доглядел. Украл в жатву, зарыли, а теперь шли делить.

Пальцы сами залезли в портсигар, вытащили из него самокрутку и сунули в угол рта. Он одернул себя, только когда полез в карман за огнивом. Огонь мог выдать.

Когда последняя спина исчезла в темноте, Макар натянул штаны и рубаху и вышел во двор.

Гертруда заскулила и завиляла хвостом.

Давно следовало убить собаку – что толку мучить ее голодом, да рука не поднималась. Верная собака стала ему чуть ли не родной.

«Ничего, подожди, солдат. Через два-три месяца ты будешь рад ее съесть». От таких мыслей стало тошно и еще сильнее захотелось курить.

– Ложись спать, моя девочка. Я скоро вернусь. Тогда и поищу, что тебе дать.

Но он не вернулся. Четыре дня спустя Гертруда, обессиленная и обезумевшая от голода, перегрызла веревку и убежала в лес.

Всю дорогу Макар крутил портсигар в руках, перекладывал из кармана в карман, но так и не раскрыл. Обоз скрылся с глаз, и он шел на звук. Где-то впереди в темноте чуть слышно поскрипывало несмазанное колесо.

Прямо за поворотом, там, где барин останавливался после огненного дождя, он чуть не врезался в телегу, стоявшую в черной тени дерева. Лошадь услышала его шаги и повернулась. Рядом никого не было. Люди разбрелись по сгоревшему полю в разные стороны.

Поле после пожара поросло бурьяном и падалицей пшеницы. Трижды Макар распорядился запахать проклятое место и трижды у крестьян находились веские причины не выполнять указание.

Какого черта они там делают? Мысль о ночном сборе грибов глупой шуткой вертелась в голове. Макар стал на колесо и заглянул в брочку. На сене лежало что-то черное. Он взял в руку твердый тяжелый предмет размером с крупную картофелину и поднес его к глазам. В свете луны умирающие от голода люди собирали камни.

«Совсем сдурели. Это их чертова ведьма горбатая Лиза подбила. Кроме нее, некому. Завтра из голышей суп варить будут».

– Не спится?

Макар вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял Архип и широко улыбался. В бледном свете луны его зубы казались неестественно белыми.

– И не мне одному. Вы что задумали?

– Не видишь? Готовим поле. Без камней пахать лучше, – Архип продолжал улыбаться как Петрушка на ярмарке. Странные обстоятельства этой встречи, казалось, его абсолютно не волновали.

– А почему не днем? Или на ощупь сподручней? Брехать у тебя, Архип, выходит лучше, чем лошадей подковывать.

Улыбка поблекла, и Макар заметил, как сильно изменился кузнец. Лицо осунулось и вытянулось. Пустой взгляд смотрел куда-то мимо Макара, в темноту.

– Не будь таким злопамятным, Макар. К тому же на вкус хромая лошадь ничем не хуже самого резвого скакуна.

Искалеченную Архипом Анабеллу съели в минувший четверг. И на вкус она действительно была лучше Буяна – самого быстрого коня Сольских.

Кузнец говорил медленно и неожиданно складно, как будто вдруг резко поумнел за те несколько недель, что прошли с момента их последней встречи.

– Знаешь, Макар, любопытство – это хорошо. Но все хорошо, когда оно в меру. Сейчас ты проявляешь избыточное любопытство, и оно может плохо отразиться на твоём здоровье. В общем, если совсем коротко, тебе не следовало идти за нами, – губы снова растянулись в улыбке, обнажив передние зубы.

Макар крепко сжал камень в руке и спустился с телеги на землю.

– А это не тебе решать.

– Конечно, нет. Думаю, мы обсудим этот вопрос все вместе.

За спиной Архипа в сотне шагов вдруг резко развернулась и застыла фигура. Макар не видел лица кухарки, но мог поспорить, что она тоже улыбалась. Следом за ней стали разворачиваться и все остальные. После секундного оцепенения люди побросали камни и побрели к телеге. Медленно и напряженно, словно прорываясь сквозь невидимое препятствие. Похожие на свору собак, готовую кинуться следом при первых признаках попытки бегства.

Макар наотмашь ударил Архипа в висок, бросил камень на землю и побежал. Как после разгрома под Ельцом, по хвойному сушняку под взрывы и выстрелы за спиной. Он вспомнил, как еловые ветки хлестали его по лицу, как бросил винтовку и потерял папаху. Но тогда он несея быстрее ветра, а теперь будто во сне обреченно плелся, скованный ужасом.

Погоня приближалась. Он слышал шум ломающегося под ногами бурьяна у себя за спиной. На повороте он почувствовал, что задыхается. Чертовы папиросы. Будь они прокляты. Он вспомнил, как нестерпимо хотелось закурить. Возможно, покурив, он развернулся бы назад, решил бы разобраться с происшествием завтра утром. Он подумал, что мог бы находиться сейчас в кровати. Если бы не залаяла Гертруда, если бы он сам не поднялся, если бы не решил проследить за призраками.

До крайнего дома оставалось чуть больше двух сотен шагов. Тычок в спину повалил его на землю, лицом в грязь.

10.

В начале осени отец Игнат встречался с архимандритом. Доложил ситуацию в имении Сольских и спросил, как ему быть дальше.

– Ты же не ждешь от меня сиюминутного ответа? Положение сложное и в нем надо разобраться. Ступай обратно. И пусть пока все будет так, как есть. Я подумаю, как нам быть. И напишу тебе.

Время шло. Известий от начальства не поступало. Наступил ноябрь, холодный и дождливый. Дорога превратилась в непролазную грязь. И теперь, даже если бы архимандрит и захотел ему ответить, прислать посыльного стало невозможно. Оставалось дожидаться заморозков.

В пять уже стемнело. Церковь едва освещали двенадцать свечей, которые зажег Игнат. К службе теперь не являлась и треть прихода. В трудные времена люди начинают забывать о Боге, чтобы вдруг вспомнить его, когда станет уже совершенно невыносимо. Многие кашляли и шморгали носами. Игнат и сам был нездоров. Служба вышла особенно скверная.

– ...отныне и во веки веков. Аминь, – он наложил на кучку грязных голодных людей святое знамение и отошел от алтаря.

Люди устало побрели к выходу. От толпы отделилась женская фигура и подошла к Игнату. Это была Дарья, жена кузнеца.

– На исповедь?

– За советом к вам, батюшка.

Впалые глаза женщины светились большим блеском. Прежде чем заговорить снова, она дважды оглянулась, будто опасаясь, что за ней следят.

– Не знаю, что мне делать.

Она была испугана и устала, но выглядела как всегда весьма привлекательно. Черт (прости меня, Господи), слишком привлекательно для того, чтобы он мог сдержать себя от грязных плотских мыслей. И это несмотря на пустое брюхо и величайшую слабость. Он тут же устыдился собственных помыслов, но постарался не подать вида.

– Нерешительность и смятение от малой веры твоей. Когда ты придешь к Богу, вопрос «что делать» потеряет смысл.

Дарья пропустила его ответ мимо ушей. Он понял: это потому, что она не стала уточнять, что значит «потеряет смысл» и «придешь к Богу».

– Что-то происходит с Архимом. Ночью он куда-то уходит из дому. Сначала думала, с соседкой спутался.

У жившей в соседней хате солдатки Матрены было восемь детей от разных отцов, и ни один из них не был ее мужем.

– Второго дня пошла за ним до калитки. А он не в деревню, а в лес свернул. В темноту. Да так уверенно зашагал. Ни разу не оглянулся. И все быстрее, быстрее. Чуть не бежал. Словно позвал его оттуда кто. Я дальше поворота идти побоялась. Вернулась домой, легла в кровать, а самой не спится. Так до утра и пролежала. Все думала, спросить у него, куда он ходит, или не надо? Может, походит да перестанет? Когда светать стало, в снях котелки загромыхали. Я лежу, не встаю. Потом время прошло – хлопнула дверь. Я – к окну и вижу, как он в погреб залез и за собой крышку задвинул.

Он слушал, но не слышал. Взгляд прилип к ее груди. Он трижды отводил глаза в сторону и трижды обнаруживал, что снова смотрит туда же. А все из-за обета безбрачия и глупого решения влиться в черное духовенство. Следовало жениться и забыть о карьерных амбициях. Аскетизм делал из него одержимого похотью лицемера. Стремление к чистоте души оказалось благодатной почвой для грязных помыслов.

– ...а за печкой я нашла вот это, – Дарья обернулась. Кроме них, в церкви не было никого. Из-за пазухи она достала серебристый предмет и протянула его Игнату. Он взял согретую телом вещицу и слегка трясущимися руками и поднес к свече. На почерневшем серебре вязью было выведено: «За мужество и отвагу».

Он хотел сказать ей, к кому обратиться, но тут же запнулся. После исчезновения Макара вершить правосудие в этой глуши было некому. Теперь он сам и был здесь высшей судебной инстанцией.

Женщина расплакалась.

– Это ж приказчика табакерка. По доброй воле Макар бы с ней ни за что не расстался. Я-то думала, он в город сбежал. И как мне теперь домой возвращаться? Не идти не могу – там дочь. И идти боюсь. Кто знает, что ему еще в голову взбредет.

Игнат протянул портсигар обратно. Дарья замахала руками.

– Пусть будет у вас, батюшка. Куда мне ее девать? Игнат рассеянно положил вещицу на окно.

Как, однако, легко поверил он в ее историю. А ведь ничего определенного. Мало ли какими путями мог оказаться портсигар у Дарьи? Может, прежде чем уйти, Макар сам его Архипу отдал. А может, потерял, а Архип нашел и спрятал. А может, и не за печкой Дарья его нашла. Придумала жуткую историю, чтобы с мужем поквитаться. И есть с чего. Бил он ее исправно.

– Возвращайся домой. Доверься Богу. Не бойся. Без воли его и волос с твоей головы не упадет. А все беды – лишь испытания на пути к Райскому саду. Дьявол смущает и тебя, и Архипа. Это испытание для вас обоих.

Огромные глаза Дарьи наполнились слезами. Она схватила его за руку.

– Христом Богом вас прошу, помогите. Схороните нас или его куда заберите. Убьет он и меня, и дочку. Как вы еще не поняли, батюшка? Архип и есть Дьявол.

11.

Прошли два месяца. Мертвое поместье Сольских завалило снегом. Все стало белым как слепота. И только окна заброшенных изб зияли черными глазницами.

– Еще немного и конец.

Игнат набросил на плечи шерстяное одеяло и впервые за минувшие сутки встал с кровати. От холода стопы онемели и не чувствовали пола. В голове шумело. Из рта шел пар.

В комнате было пустынно и грязно. Стол, шкаф и стулья сгорели в печи еще позавчера. А вчера настала очередь книг. Новый завет и Псалтырь. Наконец-то он почувствовал Божественное тепло, о котором так много говорил настоятель Соловецкого монастыря, а впоследствии духовный наставник Игната – отец Сергей.

У кровати стояло ведро и кружка. Воду приносила Матрена три дня назад. Больше он Матрену не видел.

Игнат ткнул пальцем в кружку, разбил тонкий лед и сделал два глотка. В голове немного прояснилось.

Четыре недели назад лютый голод, до этого кругами ходивший около своей добычи, набросился на людей.

Первых покойников хоронили как положено. Потом, когда всерьез похолодало, перестали отпевать, а потом и хоронить. Земля затвердела от мороза. Рыть могилы не было сил. Тела свозили в овраг на краю деревни.

– Похороним, как немного потеплеет, – утешал родственников Игнат.

Каждый день с утра сыпалась мелкая крупа, а к вечеру поднималась снежная буря.

Пятые сутки он ничего не ел. Надо найти хоть что-нибудь. Он надел пальто и открыл дверь. В лицо дуло снежной пылью. Выл ветер. Скрипели сапоги. Все было завалено снегом. Где-то на краю деревни, в районе оврага, куда свозили мертвецов, лаяла собака. Те, что не издохли с голода и которых не успели съесть, в одну ночь сорвались с привязи и убежали в лес. Далеко от деревни они не уходили, боялись волков. Лаяла старая борзая Гертруда.

Застывшие сапоги не гнулись в голенищах, и он шел как на ходулях.

Отец Игнат посмотрел в ту сторону, откуда доносился лай и вспомнил про ружье.

Когда голодная зима только начинала показывать свои когти, и первые ее жертвы нашли свой последний приют под полутораметровым слоем промерзшей земли, он часто ходил на охоту. То зайчик, то тетерев. Получалось неплохо. Через месяц патроны закончились.

Деревня вымерла. Несмотря на двадцатиградусный мороз, дым шел только из трубы избы кузнеца. Неужели все ушли в город? «Отправились в город, – поправил он себя. – Пройти

сорок верст пешком по глубокому снегу для замерзшего, обессиленного голодного человека – серьезная задача. В большинстве случаев неразрешимая».

Поест. Хоть что-нибудь. Хоть помоев или объедков, хоть шкуру от сала. Было бы лето, можно было бы поискать в лесу ежевику. Ничего. Даже вороны куда-то исчезли.

Священнику не пристало побираться. Но если он не поест, то умрет еще до захода солнца. Он понял это совершенно отчетливо.

Барский дом зиял разбитыми окнами. Его разграбили еще месяц назад, через неделю после исчезновения Макара. Главной находкой оказалась банка варенья и завалившееся за диван галетное печенье. То и другое досталось кучеру Еремею.

Прошел мимо пустой избы Макара. Стекла были покрыты толстым слоем изморози.

Отец Игнат собрал ладонью снег с забора и укусил снежок. Зубы свело от холода. Он вспомнил о простуде и бросил надкушенный снежок на землю. Себя не обманешь: сколько снегом не давишь, а жрать хочется.

Первые две избы – Михайловых и Пушилиных – пустовали с начала осени. Хозяева уехали в город. Следующая была изба кухарки Лизы. Последний раз он видел Лизу на похоронах ее сына три недели назад. Бывшая еще летом справной баба превратилась в огородное пугало, на котором морозный ветер трепал одежду.

Он с трудом отворил примерзшую дверь и вошел внутрь. Занесенное снегом окно плохо пропускало свет. Морозно. В полумраке на скамье, завернувшись в тулуп, лежала хозяйка. Во рту она держала согнутый костлявый палец, будто хотела его отгрызть. Тело покрылось инеем. Игнат подумал, что, если столкнуть ее с лавки, она упадет наземь и разобьется, как стекло.

Отец Игнат выдвинул ящик стола, пересмотрел котелки и заглянул в печь. Ничего съедобного не было.

Он переходил от дома к дому, обнаруживая замерзшие трупы, оставляя за собой распахнутые двери и несбывшиеся надежды. Двенадцать мертвецов и ни крошки хлеба. Очень похоже, что сегодняшний день будет для него последним. Несмотря на перспективы очутиться в Царствие Господнем, умирать отец Игнат не хотел. Так он дошел до дома кузнеца. Из трубы шел дым.

12.

Отец Игнат открыл дверь, и из избы дохнуло клубами пара. По хате плыл влажный запах вареного мяса. В животе заурчало, а рот наполнился слюной.

В сенях дочка кузнеца Таня играла с куклой. Он крестил ее семь лет назад.

– Отец дома?

Девочка не ответила, бросила куклу и убежала в комнату.

Игнат сбил снег с сапог и шагнул внутрь.

Окна были забиты досками. Сквозь щели пробивали тоненькие струйки белого света.

Архип сидел на скамейке с открытым ртом и смотрел в потолок. В печи шумно горели дрова. Рядом стояла Таня и косо поглядывала на Игната.

На грубо сбитом деревянном столе стояли три тарелки и лежали три ложки. Дарьи дома не было.

Из кипевшего чугунок выбегала коричневая пена и тут же шипя прикипала к стенке. Из-под крышки торчала человеческая нога. Отец Игнат уставился на нее, пытаясь разглядеть в ноге кусок туши животного. Может, померещилось? Но человеческая нога оставалась тем, чем была.

– Тятя, к нам поп пришел, – девочка дернула отца за руку. Архип закрыл рот и перевел взгляд на Игната.

– Давно ждем. Заходи. Гостем будешь.

– Куда все подевались?

Чугунок с человеческой конечностью выглядел настолько буднично, что Игнат даже не нашелся, что сказать.

– Лежат в овраге за деревней. Передохли как мухи от обыкновенной простуды. Забавно, правда?

– Я тоже болел.

– Провалиться два дня в кровати и умереть – это не одно и то же. Поверь, я в этих вещах неплохо соображаю. Так что твое «тоже» здесь совершенно неуместно.

В углу стоял жестяной таз с водой. В тазу плавала опутанная густыми каштановыми волосами женская голова. Пустые мертвые глаза сквозь розоватую воду равнодушно смотрели на Игната.

«Страх твой от ничтожной веры твоей. Все беды – лишь испытания на пути к Райскому саду», – Игнат вспомнил, как во время последней встречи с Дарьей он таранился на ее высокую грудь. Господи, Боже мой. Как это вообще может происходить?! Нет. Это невозможно. Это не по-настоящему. Сейчас он лежит в своей кровати и бредит. Это все чертова, прости, Господи, простуда.

Архип встал с лавки, подошел к печи и деловито заглянул под крышку. Подул на пену и сыпанул горсть соли.

– Тятя, скоро уже? – девочка, заискивая, заглянула в глаза Архипу.

– Через час будет готова. Иди, поиграй пока. Нам с дядей попом поговорить надо.

– Что ты затеял? – Игнат кивнул в сторону печи.

– Да так. Ничего особенного. Просто пообедать. Варить чуть не сутки приходится. Боюсь заразиться.

– Ты... ты... – страх лишил его речи. И вместе с тем желание поесть не покидало ни на мгновение. Слюна продолжала наполнять рот.

События последних двух месяцев казались мрачным бредом, и эта сцена была его апофеозом. Это всего лишь сон. Хорошо бы было, если бы это был сон. Потому что он больше не может совладать с собой.

– А что ты так смотришь? Она умерла. Ей теперь все одно. А нам жрать хочется. Или подышать прикажешь? Ладно. Давай не будем отвлекаться на всякую ерунду и перейдем к делу. Мне с дочкой надо выбираться отсюда, но возникли некоторые препятствия. Ты должен нам помочь. Помощь в обмен на жизнь. Это хорошее предложение. И постарайся не заострять внимание на содержимом котелка. Кажется, это мешает тебе сосредоточиться. Попробуй трезво оценить ситуацию. Ты только подумай. Жизнь в обмен на небольшую услугу, – Архип зачерпнул ложкой бульона и со свистом втянул в себя кипяток. Скривился. – Ох, и занудная баба была. Никогда она мне не нравилась. Ни живая, ни вареная. Одно слово, дрянь. Но куда деваться? Жрать-то хочется. В общем, ты, Игнат, давай быстрее решайся. Или иди домой помирать, или садись за стол. Обедать будем.

«Голод – отличное лекарство для души», – вспомнил отец Игнат слова архимандрита. Но, как сказал Парацельс, все дело в дозе. Он не мог больше бороться. Голод был больше и сильнее его. К тому же, если все это сон, а по-другому и быть не может, то нет смысла терзать себя глупыми сомнениями. Всего лишь сон. И ничего больше.

Отец Игнат сел за стол и взял ложку.

Часть вторая Воскрешение

*Во сне ты бредила, жена,
И если сон твой впрямь был страшен,
То он был там, где, шпатов пашен
Стуча, шагает тишина.
То ты за тридцать царств отсель,
Где Дантов ад стал обитаем,
Где царство мертвых стало краем,
Стонала, раскидав постель.*

Борис Пастернак. Голод

1.

Он не понравился ей с первого слова. Едва слышное, глухое «алло» звучало так, словно звонили с того света.

– Таисия? – под этим именем она размещала объявления на «Мистер Икс ком»: «Классический секс, БДСМ, госпожа-раба. Только в презервативе. Две тысячи рублей за час. Дополнительные услуги оплачиваются отдельно».

Через десять минут он стоял у открытой двери ее квартиры. Крупные солнцезащитные очки скрывали верхнюю половину лица. Губы и подбородок утонули в густой бороде. На руках были черные кожаные перчатки. Именно так выглядит классический извращенец. Он теребил пальцами край пиджака, часто оборачивался и запинался на каждом слове. Плетки, наручники, дыба – он сам толком не знал, что хотел.

С таким клиентом следовало бы тактично распрощаться. Она назвала тройную цену и потребовала деньги вперед. Обычно это срабатывало. Но только не в этот раз. Шесть пятитысячных купюр легли на тумбочку, и входная дверь вместо того, чтобы захлопнуться у него перед носом, захлопнулась за его спиной.

Десятью минутами позже она поняла, что он согласился бы и на пятьдесят, и на сто. Карманы у него были набиты деньгами. Позже он сказал ей, что утром продал гараж.

– Может, чаю? – предложила она.

– Лучше водки. Но это потом. Сначала по существу, – он погасил свет и взял ее за руку.

Его ладонь была широкой и грубой. Очки он так и не снял. Поцеловал ее в губы, вывалив ей в рот толстый слюнявый язык. Язык скользнул по зубам и полез дальше в горло. Влажный и невероятно длинный. Горло сжалось в рвотном рефлексе, и ее едва не вырвало прямо ему в рот.

Потом он развязал пояс халата. Долго выбирал плеть, а потом еще полчаса провозился с замком наручников. Каждое его движение было неумело и грубо. Кажется, озабоченный псих впервые давал волю своей больной фантазии.

– Эй, мы так не договаривались! – она дернулась всем телом, когда он больно укусил ее.

«Не договаривались» – желтый сигнал, после которого он должен был сбавить обороты.

Но вместо этого он снова укусил ее и стал скрести ногтями спину.

– Стоп. Довольно. Прекрати, ты делаешь мне больно.

Последовали еще три укуса, прежде чем тот остановился. Тяжело дыша, он обнял ее и прижался небритой щекой к ее спине. Его тело вдруг стало болезненно горячим.

– У вас температура. Хотите, принесу аспирин? – спросила она через плечо. Повернуться к нему лицом ей мешали наручники.

– Меня уже тошнит от таблеток. За последний месяц я их съел не меньше вагона. Есть лед? – он освободил ее, и она принесла пачку апельсинового «Джей севен» в ведерке со льдом. Мужчина вынул сок из ведерка, зачерпнул пригоршню льда и высыпал ее в рот. Кубики замерзшей воды захрустели на зубах.

– Это намного лучше аспирина. Правда хватает ненадолго.

– Кажется, у вас проблемы?

– Ничего серьезного. Просто умираю.

От мысли о СПИДе ее передернуло. Да, она предприняла все меры предосторожности. Но что насчет слюнявого поцелуя, царапин и укусов?

– Шутите?

– Нет. Это все мистер Хайд. Не следовало мне трогать его камни. Он обещал меня сделать миллионером, а превратил в универсального солдата. Помнишь этот фильм? В главной роли Жан-Клод Ван Дам.

– Нет.

– Ну да, все верно. Тебя тогда еще не было на свете. Не важно. Мистер Хайд направил меня к тебе. Я думаю, таким образом он меняет напарников. Так что после моей смерти ты с ним познакомишься поближе.

2.

Ангела открыла глаза и не сразу поняла, где находится. На работе она старалась не ночевать, даже если заканчивала за полночь.

Часы показывали двадцать минут девятого.

Немедленно выбросить из головы вчерашнего клиента и вперед. Вставайте, граф, вас ждут великие дела. Кажется, как-то так. Сегодня ей предстояло создать бессмертное музыкальное произведение, навеки вписать свое имя в список величайших композиторов всех времен и народов и ухватить свой кусочек от сладкого пирога славы. Впрочем, с такими намерениями она вставала с кровати каждый день.

Рабочую квартиру у парка Победы они с Людой снимали на двоих (меж собой они называли ее «Страной грез»). Чередовались каждую неделю: первая смена – с одиннадцати утра до шести вечера, вторая – с шести вечера и до «ну его на фиг».

Голая, она поднялась с кровати и, осторожно обходя разбросанные по квартире наручники, плетки, затычки и прочую ерунду, прошла в ванную.

Отражение в зеркале напоминало лицо клоуна: всклокоченные рыжие волосы, размазанная губная помада и черные потеки туши на щеках. Несмотря на ранний час, клоун выглядел уставшим и злым.

Ангела повернулась спиной. От плеча к бедру шли четыре красных вздувшихся рубца от плети, а на боку синели четыре укуса.

На холодильнике в кухне тихо мурлыкал приемник.

– Радио «Орфей» приветствует своих слушателей. С вами в студии Елена Шмелева. Далее наш эфир украсит бессмертное творение Моцарта – концерт для двух скрипок с оркестром...

Заиграла музыка. От нее сразу стало веселей. «Амадеус – это наше все», – сказал как-то Грицаев, преподававший сольфеджио на старших курсах. И она не могла с ним не согласиться.

Ангела набрала в электрический чайник воды, открыла форточку и закурила.

Зазвонил телефон. Как и вчера вечером, он лежал на столешнице рядом с сахарницей.

– Алло! – она затаила дыхание, ожидая услышать гнусавое и глухое: «Теперь он твой».

– Ангела, привет.

Впервые в жизни она была рада услышать Терентьева.

– Здравия желаю, товарищ начальник.

– Трудисься?

– Так точно, товарищ начальник. В поте лица и других частей тела.

– А Люда?

– Прибудет через десять минут.

– Я в десять зайду. Хорошо?

– Так точно, товарищ начальник. Будем ждать. Конец связи, – Анжела сбросила вызов.

Терентьев был их крышей. А может, и не он сам, а другие люди – этого Анжела не знала. Да и какое это имело значение? Значение имели только сумма и гарантии. Сумма ее устраивала, проверить гарантии случай еще не подвернулся.

Повернулся ключ в замке, и трижды стукнули каблук по ламинату.

– Эй, привет стахановцам. В две смены пашешь? Как нехстати. Это было ее любимая часть, когда скрипки сначала перекликаются и подхватывают друг друга, а потом играют вместе. Но если не ответить Людке, она повторит вопрос так, что на крик сбегутся соседи. Анжела нехотя вышла в коридор.

– Ага. И тебе с утра решила помочь.

На Людке были новые ярко-красные ботфорты на высоченных каблуках. Это был ее ответ на вчерашнюю обновку Анжелы – крупные серьги-кольца ценой в тридцать восемь тысяч рублей.

– Спасибо, но я как-нибудь сама справлюсь. Что новенького?

– Вчера воскрес Маркиз де Сад и зашел на огонек. Пришлось задержаться до трех.

– Ого, – Людка подняла брови. – Думаю, таким марафоном ты его загнала обратно в могилу.

«Он и без моего участия туда направлялся», – подумала Анжела.

– У тебя что? Как твоя новая пассия?

Люда второй месяц встречалась с депутатом Городской думы преклонного возраста и неумолимой сексуальной фантазией.

– То же самое, что на работе, только матрас жестче, обои синие и выхлопа ноль. Правда, вот сапоги подарил. А вообще пора с ним завязывать. Надоело, – она хотела добавить что-то еще, но в дверь позвонили, и в дверном проеме появилась плешивая голова Терентьева. На кухне пропищало радио. Капитан был точен, как московские куранты.

– Привет, девчонки!

Его искусственное радушие, как всегда, раздражало.

– Здрасьте.

Косо взглянув на полицейского, Анжела полезла в сумку за кошельком. Пальцы с длинными аккуратными ногтями отсчитали десять тысячных купюр и сунули деньги капитану в лицо.

– Держи. Скоро прикроется ваша лавочка. Вчера в новостях депутаты обещали легализацию.

– Ну, обещать – не значит жениться. Да и лучше тебе от этого не будет. Так у тебя червонец в месяц плюс два субботника, а как легализуют, половину заработка налогами забирать будут, а из-под проверяющих инспекторов даже по нужде не вырвешься. Придет пожарник, за ним эколог, за ним санитар-эпидемиолог. В общем, всех перечислять язык отсохнет. И притом бухгалтерию вести придется. Отчеты, знаешь ли, всякие. Как в анекдоте, – Терентьев рассмеялся как стервятник.

– А что, гражданки-барышни, может, и натурой сейчас? На четверть суммы.

– У нее клиент через десять минут, а мне надо домой. Так что передерни затвор где-нибудь в подъезде и спокойно дожидайся субботы.

Анжела приоткрыла дверь, шагнула в сторону и кивнула в сторону лестничной площадки.

– Да иди ты, – Терентьев с силой захлопнул за собой дверь, и сверху на пол упали два кусочка крашеной штукатурки.

– Вот дрянь. Так и дверь поломать можно. Люда небрежно стянула сапоги с ног и швырнула их в угол.

– Иуда. Родного брата за решетку упек. За три года четырех начальников слил, и за каждого ему по звездочке добавили. Женат в четвертый раз – тоже неспроста. С такой гнидой не всякая уживется. Ладно, пойду переодеваться. У меня и вправду клиент через пять минут.

Информацию о Терентьеве Людка черпала из надежного источника – Олега Клюева, сослуживца Терентьева и ее постоянного клиента.

– А я только чайник поставила.

– Ну и пей себе спокойно. Нам кухонный стол не нужен. Тумбочки и подоконника вполне достаточно.

Ангела кивнула и отправилась на кухню.

Через пять минут в дверь позвонили. Ни слова приветствия. Только шорох одежд. Маленькой серой мышкой клиент прошмыгнул в комнату.

– Я готова. Иди ко мне, мой тигр, – голос Люды звучал вызывающе знойно, и Ангела представила ее фирменную зубастую улыбку. Звякнула бляха ремня. Из комнаты донеслись томные женские стоны. Люда явно переигрывала.

3.

Судья слушала потерпевшего и посматривала в окно. Самая обыкновенная женщина с широким лицом и высокой кучерявой прической. Ничего в ее внешности не выдавало ту власть над людьми, которой она была наделена, за исключением разве что черной пыльной мантии, из-под которой выглядывал красный ситцевый сарафан.

Как это вообще могло произойти? Если бы кто-нибудь месяц назад сказал Вале, что его будут судить, он бы рассмеялся. Он не считал себя пай-мальчиком, но и до хулигана ему было очень далеко. Он и водку пил второй раз в жизни. Опять же с Витькиной подачи. Хотя дело не в водке, не в Витьке и даже не в нем. Просто очень неудачное стечение обстоятельств. В третий раз за этот год.

Хозяин машины, небритый дед, изо всех сил выгораживал их:

– Господа хорошие, я к паренькам не в претензии. Ошиблись пацаны. По пьяни с кем не бывает. Они и повинились сразу. Крыло пообещали сами отремонтировать. А других бед наделать не успели. Я вот что думаю – отпустить их надо. Ребята хорошие.

Дед испугался не меньше них – очень жалостливый человек оказался. Уже на следующий день после всей этой истории он просил участкового вернуть заявление об угоне. Но процесс уже был запущен. Ему пообещали статью за дачу ложных показаний. Дед замолчал и заговорил только сейчас.

Витька сидел, склонив голову. Это была его дурацкая затея. «Давай, Валюха. Че ты стремишься? Покатаемся и вернем. Очко сыграло? Один раз живем». Вот и покатались.

Валя в сотый раз повернулся и посмотрел на дверь. Парень в форме по ту сторону решетки подергал за нее, чтобы убедиться, что она заперта. Чудак. Неужели он подумал, что Валя собрался бежать? Хотя, что еще может прийти в голову, когда подсудимый поминутно оглядывается на входную дверь.

Слава Богу, она не пошла с ним. А собиралась. Даже платье из шифоньера достала. Черное в крупный горох. Она не надевала его с тех пор, как перестала ходить на работу. Теперь платье висело бы на ней как мешок на пугале. За минувшие полгода она сбросила не меньше двадцати килограммов.

С утра вызывали скорую. Укол, две таблетки, кровать. Перед уходом врач сказала, что если она действительно хочет узнать, чем закончиться дело, следует оставаться дома.

Часы на стене показывали четверть двенадцатого. Скоро будут заканчивать. Даже если отпустят, сегодня на работу он уже не пойдет. Ефимову он сказал, что заболел. Ну да, соврал. А что он должен был сказать? Извините, сегодня у меня суд? Могут впясть года четыре, так что к обеду не ждите.

– Обвиняемый Жуков Валентин Григорьевич, раскаиваетесь ли вы в содеянном преступлении?

Валя поднялся.

– Да, конечно, раскаиваюсь. Извините. Вышло очень глупо. Мы не собирались красть эту машину. Только покататься.

4.

Водопроводчика уже не было, а новые формы еще не были толком готовы, когда его разбудили. Именно разбудили. Впервые за долгое время он проснулся не сам.

Он пришел в себя и миллионами глаз взглянул на человека за стеклом.

Лучше бы ему продолжать спать. Чертовы насекомые! Форма была невероятно тесной. Он чувствовал себя слонем, которого засунули в трехлитровую банку.

Чисто теоретически муравьи могли бы послужить мостом к более сложным формам (насекомые намного перспективнее, чем мертвые камни, сваленные под землей), если бы не человек за стеклом. Он исключил эту возможность. Герметичный сосуд, резиновые перчатки, плотно прилегающая крышка.

Форма душила его своими мизерными размерами. Казалось, еще немного, и он вновь окажется за пределами сознания. Но теснота – это пустяки, настоящие неприятности начнутся после взаимного проникновения форм. Он миллионы раз оказывался в этой ситуации, и ни разу заполнение сверхтесных форм не прошло без последствий. Насекомые почти наверняка, используя вдруг возникшую связь, начнут проникать в заполненные сложные формы. Для глубокого сознания вышвырнуть из себя муравья будет несложно, но для мелких поверхностных форм – а таких будет большинство – муравьи станут настоящим бедствием.

Еще была крыса. Еще одно мучительное проклятие. Он не мог заполнить ее в принципе. Геном грызуна исключал возможность правильной репликации вирусного ДНК. Одно утешение – крыса должна была скоро содохнуть, и своей смертью прекратить его мучения.

Но ни крыса, ни дискомфорт малых форм и ни виднеющийся на горизонте тупик этого пробуждения не раздражали его так, как человек за стеклом. Вот кто взбесил его по-настоящему. Тот, кто должен был стать рабом, вдруг оказался хозяином.

5.

Валя раскрыл телефон и взглянул на неподвижную красную точку на карте. Мама была дома. А где еще быть человеку, которого с утра откачивала скорая? На танцах или в фитнес-клубе?

Услугу «Ребенок под присмотром» он подключил к ее телефону год назад. Определение местоположения с точностью до ста метров плюс маршрут за день. Двести рублей в месяц и небольшие угрызения совести в придачу – не столь дорогая плата за то, чтобы вволю погулять и оказаться дома за пять минут до прихода матери.

Он хотел было немного посидеть на лавке у подъезда, но передумал. Что толку? Перед смертью не надышишься, как любит повторять чертов философ Павел Артемович.

Валя нажал две затертые клавиши кодового замка и вошел в подъезд.

На лестничной площадке рядом с электросчетчиками стояла новенькая темно-красная детская коляска. Шесть лет назад точно на этом месте стояла крышка гроба такого же цвета. Гроб в то время находился в квартире, и в нем лежал Валяин отец.

Валя позвонил дважды и прислушался. За дверью громко острил Иван Ургант: «Спрашивают у старого еврея: “Почему вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?” – “Разве?”» На бородатую шутку студия ответила взрывом смеха.

Валя отомкнул замок, потянул на себя дверь и вошел в квартиру.

В прихожей пахло корвалолом. На тумбочке у входа лежала пачка неоплаченных квитанций ЖКХ с цветной рекламой на обратной стороне. Пластиковые окна «КВЕ» по сверхнизкой цене, скоростной Интернет всего за восемьсот рублей в месяц, комплексные ритуальные услуги (организация и проведение похорон, возможен кредит).

– Мама?

Никто не ответил. Ургант продолжал веселить публику, и Валя представил себе его сдержанно улыбающееся небритое лицо.

Телевизор заменил ей мир. Двенадцать часов в сутки. Последние полгода она жила по ту сторону экрана.

– Мама.

Нет ответа. Наверное, уже приняла таблетки.

Валя разулся и теперь уже, напротив, стараясь не шуметь, прокрался в ванну.

Если бы можно было с ней вообще сегодня не встречаться. Поговорить обо всем завтра.

В унитазе плавали пучки длинных седых волос. Побочный эффект химиотерапии, как объясняли врачи. Он нажал слив. Телевизор за стеной замолк.

– Валя, это ты?

Он закрыл глаза и выдохнул. Прятки кончились.

– Да, мам.

– Иди сюда, сынок.

Кресло, в котором сидела мать, стояло спинкой к двери. Бледная сморщенная рука с вздувшимися синими венами и короткими старческими ногтями лежала на подлокотнике ладонью вверх. Фигура нищего, просящего милостыню у Бога (у кого еще ее можно просить в пустой квартире?). Черная манжета плотно обтягивала тонкий дряблый бицепс.

– Опять высокое?

– Сто сорок восемь на девяносто, – голос звучал звонко и твердо. Вечернюю порцию таблеток она еще не приняла. – Как все прошло?

Он не знал, что ответить. Год условно за пьяную выходку, которую суд, вопреки прогнозам адвоката, определил как угон автомобиля, – это хорошо или плохо?

– Ты слышишь, о чем я спрашиваю?

– Да. Все нормально. Меня оправдали. Я же говорил, что не виноват. Судья даже удивилась, почему следователь не закрыл дело. Никаких доказательств. Просто мы оказались в неподходящее время в неподходящем месте.

– А Витька?

– Ну и его оправдали тоже.

– Значит, все закончилось, – она шумно выдохнула, и он успел подумать, что смог обмануть ее, прежде чем она задала следующий вопрос. – О чем ты думал, когда лез в чужую машину?

Вот так, без споров и доказательств, она вынесла собственный вердикт: «Виновен».

Честный ответ выглядел как признание в собственном идиотизме. Они решили угнать машину, потому что Витька знал, как это можно сделать. «Это же элементарно, – заплетаящимся голосом шептал он, склонившись над рулем. – Поддеваем колечко, вытаскиваем личинку. Красный провод отдельно, остальные в скрутку и замыкаем цепь».

– Не знаю. Не думал, что так выйдет.

– А если бы тебя посадили? Даже на полгода. Что стало бы со мной?

Что тут скажешь? Все верно. Такой оборот событий вряд ли бы изменил ее жизнь к лучшему. Даже самая дрянная ситуация может измениться в худшую сторону.

– Я ошибся. Прости, – он проглотил слюну и устался в пол. Лет пять назад он бы добавил: «Я больше так не буду». Теперь он считал, что подобное обещание лишено смысла.

– Подойди ко мне, сынок.

Он наклонился, и она обняла его за плечи.

– Я старая больная женщина, и я сильно испугалась. Ты знаешь, как я люблю тебя.

Телефонный будильник заиграл «Собачий вальс». Пора было пить таблетки.

– Не вставай. Я принесу.

На прикроватной тумбочке, рядом с коробкой из-под чайного сервиза, в которой мать с незапамятных времен хранила лекарства, стояла его детская фотография в рамке. Весною в парке его сфотографировал отец. Стекло было усыпано матовыми отпечатками пальцев, хотя она протирала портрет влажной салфеткой каждое утро.

6.

Анжела снимала однокомнатную квартиру в старом доме на двух хозяев. Невысокая квартплата и глухая соседка – невероятно удачное сочетание для композитора. Вот только ничего путного Анжела до сих пор так и не написала.

Она сделала глубокий вдох. Пальцы повисли в воздухе над клавиатурой синтезатора.

Тишина – начальная точка и единица измерения качества музыки. Тишина – ноль в мире звуков. Хорошо. Идем дальше. Первая нота, первое созвучие – тоже никаких проблем. Анжела взяла доминантсепт-аккорд и прогнала его вверх и вниз.

Первый звук не может быть ни плохим, ни хорошим. Как первая линия или первая буква. Дальше шаг второй. Тут возникают сложности. Пальцы замерли в нерешительности. Что это должен быть за звук, когда ему следует прозвучать, с какой силой и длительностью? И главное: вместе шаг первый плюс шаг второй требуют оправдывать свое существование. Они должны искупить нарушенную ими тишину.

Раз и, два и, три и. Соль, ре, ми. Раз и, два и, три и. Нога отбивала такт, а пальцы перебирали клавиатуру. Фа, ля, соль.

Стоп. Нет, не пойдет. Такое уже было. Какая-то джазовая композиция начала семидесятых. Ладно. А если вместо терции попробовать квинту. Пальцы пробежали по клавишам и замерли. Безжизненно и фальшиво. Плюс вялый ритм и сомнительная мелодичность. Нет, кварта тоже не идет. И квинта, и секунда тоже. Снова бесконечные блуждания между банальностью и какофонией.

Она в последний раз ударила по клавишам и встала. Даже закончить игру на этом бездушном инструменте по-человечески было невозможно – на фортепьяно она бы хлопнула крышкой. Все это никуда не годится. Девять месяцев напряженного труда коту под хвост. За это время можно было выносить ребенка.

Провал длиною в четыре года. Она отправляла свои записи всем продюсерам страны, как минимум, дважды каждому. Выкладывала в Ютубе, предварительно позаботившись о том, чтобы в камеру не попало лицо, четыре своих лучших композиции. Участвовала во всех интернет-конкурсах. И все с нулевым результатом. Ее музыка была интересна только ей. Да и то не всегда.

Анжела подошла к занавешенному окну и прислушалась. За окном шумела улица. Оконное стекло разбивало пространство на реальную жизнь и мир иллюзий. Мир за стеклом все чаще звал ее к себе.

Может, бросить все эти занятия к черту? С чего она вообще решила, что сумеет придумать что-нибудь стоящее? Почему поверила мнению ее тетки, школьной учительницы пения, да ее собственным «снам о чем-то большем»?

Еще не поздно стать нормальным человеком. Разбить к чертовой матери синтезатор, вышвырнуть в окно пачки нот, рабочий телефон и ключи от «Страны грез». Купить на вокзале билет, скажем, до Москвы. Найти человеческую работу. Выйти замуж. Нарожать детей.

Снова сомнения. Наказание за лень, бездарность и невезение. Или гордыню? Ты думаешь, что ты особенная. Что ж, можешь продолжать так считать. Но за эти мысли придется платить. Отсутствие таланта плюс амбиции – отличный рецепт для суицидального коктейля. Убивать себя можно и постепенно.

Она вернулась к инструменту. Кисти рук двумя ошалевшими пауками вновь забегали по клавиатуре.

Хочешь добиться успеха – беги к своей мечте. Не можешь бежать – иди. Нет сил идти – ползи. Не можешь ползти – умри на пути к ней. Отличный совет. Один минус – жаль потратить жизнь на реализацию красивого сценария, любоваться которым приходится в полном одиночестве.

Интересно, сколько именно времени надо биться головой о стену для того, чтобы признать собственную несостоятельность? Часы на стене показывали час сорок. До работы еще четыре часа. Время было ключевым словом, вокруг которого она построила свою жизнь.

Боже, пожалуйста, дай мне знак. Хоть намек на то, что из этого может что-то получиться. Подскажи хоть пару тактов, которые звучали бы достойно.

«Я дам тебе тысячи нот и сотни мелодий. Если ты сама этого захочешь».

Она вздрогнула и задержала дыхание. Музыка оборвалась. А вместе с ней и рассуждения. Парализованная мысль испарилась без следа, уступив место удивлению и страху.

Это не было продолжением привычного диалога с самой собой. Собеседника выдавал голос. Гнусавый и определенно знакомый («алло, Таисия?»). То ли от внезапности, то ли помешал синтезатор, но сразу она не смогла сориентироваться, откуда шел звук.

Ангела раскрыла коробку из-под роллов, что стояла на стопке нот. Обычно на обед она покупала пиццу, но сегодня захотелось чего-то новенького. Внутри не было ничего, кроме нескольких зерен риса.

«Не глупи. Ни в шкафу, ни на балконе меня тоже нет. Извини, что откликнулся на твое обращение к Богу». Она обернулась – в дверях никого не было. «Больше не мог слушать эти выкрики в пустоту. Я, конечно, не всемогущий и тем более не все милостивый, но для того, чтобы помочь тебе, этого и не нужно».

Голос звучал в ее голове. Объемно, четко и живо. Как если бы она слушала плеер. Если бы такое случилось среди ночи, она закричала бы от ужаса. Но был день. В комнате светло. За окном два мальчика ковыряли песок на детской площадке.

«Помочь?» – «Да. Я могу помочь тебе стать тем, кем ты должна быть. Бессмертным мастером звуков и повелителем настроений. Миллионы слушателей будут плакать от умиления и ползать у тебя в ногах, умоляя сыграть еще. Они узнают, кто ты есть на самом деле. Увидят и ужаснутся собственной прежней глухоте. И все это в обмен на небольшую услугу. Несколько услуг, если быть точным».

Доигрались. Ангела закрыла глаза и откинулась на спинку стула. Пару слов еще можно списать на посторонние звуки и богатое воображение, но не десяток предложений. Чужой голос в голове. Вкрадчивый и навязчивый, как припев глупой песенки или слоган рекламы, который может сутками с утра до вечера крутиться в голове.

«Что скажешь?» Разговаривать с собой было нелепо и страшно, но просто слушать было еще хуже.

– Кто ты?

«Просто странник, бредущий сквозь мрак Вселенной. Но для тебя – друг, ангел-хранитель, открывающий дверь в Большое Искусство. Я хочу помочь тебе раскрыть свой талант. Если ты, конечно, не против».

Как получилось, что она вдруг заговорила с собой голосом больного извращенца? Психолог (хотя в данном случае уместнее было бы услышать мнение психиатра) наверняка бы приплел сюда душевную травму и стресс: страх заразиться СПИДом плюс реальную возможность его подхватить. И попал бы пальцем в небо. Да, полуночный придурок действительно сильно напугал ее. Но не настолько, чтобы вдруг обезуметь.

– Против, мистер Тайд. Кажется, так тебя называл гундосый псих? Вы еще не свихнулись, тогда мы идем к вам. А почему не мистер Мускул?

«Хайд. Он называл меня Хайдом – так звали героя из прочитанной в детстве книги».

– Убирайся на хрен из моей головы, как бы тебя там ни звали.

Собеседник рассмеялся. Вкрадчивость улетучилась.

Он больше не пытался уговорить ее.

«Откуда такое предвзятое отношение?»

Он задает вопросы, значит, не читает ее как книгу – во всяком случае, пока.

– От верблюда. Заткнись и убирайся.

Смех исчез.

«Я не могу просто взять и уйти. Даже если бы вдруг этого захотел. И еще я советую тебе быть полюбезнее. Иногда я бываю особенно ранимым. Несмотря на хамство, я по-прежнему предлагаю тебе дружбу. Если мы найдем общий язык, я дам тебе бессмертную славу, если нет – ты отправишься следом за водопроводчиком, а мне придется искать другого компаньона».

Для того чтобы напугать, угрозы были не нужны. Самого факта наличия кого-то еще в собственной голове вполне хватало. Анжела сжала мелко трясущиеся руки в кулаки.

– И что ты хочешь услышать от меня? Что-то вроде «я согласна»?

«“Войди в меня” – звучит намного лучше. И для тебя, насколько я понимаю, привычнее».

7.

В год смерти жены Перов отдал дочери ключи от трешки и перебрался жить на дачу. Без какого бы то ни было самопожертвования. Бесконечные пробки, грязные дворы и шумные соседи – все это давно сидело в печенках. Душа искала уединения и спокойствия. Да и телу, разменявшему седьмой десяток, пора было начинать привыкать к земле.

Старость – самый продуктивный возраст для огородничества. Растительный мир становится понятнее и ближе. Особенно если ты уже пережил пару инсультов. Впрочем, это пока что не о нем.

Вода из шланга тонкой струйкой (навязчивый образ, преследующий его больше шести лет) медленно вытекала под пышные заросли салата. В воскресенье в десять часов утра поливали все.

В «Народном целителе» за апрель авторитетная знахарка баба Матрена уверяла, что третий грецкий орех с салатом избавит от гипертонии и аденомы. Он приготовил трехлитровую банку зелья и на две трети опустошил ее, но реже мочиться по ночам не стал.

– Хеллоу.

Перов бросил шланг на землю и повернулся.

У забора стоял крайне необычный для средней полосы России человек. Сорок лет назад в институте на одном факультете с Перовым учились шесть негров. Но те на фоне гостя смотрелись бы Белоснежками.

– Доктор Перов?

– Да, это я.

Незнакомец приветливо улыбнулся.

– Мы можем поговорить?

– Конечно, – Перов двинулся было в сторону калитки, но человекообразная обезьяна шустро перемахнула через штакетник, едва не подавив грядки.

– Отличный салат.

– Спасибо. Только не ясно, что с ним делать. Присаживайтесь, – Перов указал на протертый диван на веранде, а сам сел в кресло напротив.

– Извините за беспокойство, – негр немного замешкался, прежде чем опуститься на диван. – Я предпочел бы поговорить на работе, но в больнице сказали, что вы в отпуске.

– Не стоит извиняться. За две недели я тут одичал. Скоро буду разговаривать с огурцами.

Дочь с внучкой навещала его раз в две недели. Зятя он и вовсе не видел больше чем полгода.

– Уютный домик, – негр обвел взглядом увитый виноградом фасад.

– До тех пор, пока температура на улице выше пятнадцати градусов.

Летом здесь было действительно очень хорошо. А зимой он брал побольше дежурств, чтобы отогреться в больнице, и последние три Новых года Перов встретил в ординаторской. Газа на даче не было, а на то, чтобы протопить дом углем и дровами, уходил почти весь день.

– Итак, чем могу быть полезен?

– Хочу спросить об одном вашем пациенте.

– Вы – родственник? – Перов не мог припомнить, чтобы в отделение поступал темнокожий.

Негр снова расплылся в лучезарной первобытной улыбке.

– Меня зовут Амади Аль-Бакрейн. Я работаю в научно-исследовательском институте генетики. Месяц назад я прочел вашу статью в «Психопатологии». Собственно из-за нее я и приехал.

– Очень интересно. Не думал найти читателя в Африке.

– Я живу в Германии.

– Все равно сюрприз. Кстати, для немца, равно как и для африканца, вы весьма неплохо говорите на русском.

– Факультет молекулярной инженерии МГУ. Выпуск девяносто второго года. Россия для меня – вторая родина. Здесь мне выдали путевку в жизнь. Очень сожалею, что не смог задержаться в Москве на пару дней. Так вот. Случай, описанный вами в статье, представляет для нас огромный интерес. И мне хотелось бы уточнить некоторые моменты, касающиеся вашего пациента. Я понимаю, что это конфиденциальная информация. И вы не имеете права разглашать ее. Но мы ведь можем поговорить об этом пациенте абстрактно. Без имен и фамилий, как это написано в статье.

– Конечно, – Перов был не против поговорить с гостем, но не любил, когда его принимали за дурака. – Но, думаю, раз вы побывали в больнице, отыскали мой домашний адрес, наверняка вам известно и имя пациента. Более того, полагаю, что вы уже встретились с ним. Не со мной же поговорить вы из Германии приехали. Верно?

– Ашиева выписали две недели назад. Врач сказал, что на контрольный прием он придет в середине августа. Я раздобыл его домашний адрес. Но дома его не было. Жена сказала, что после выписки из больницы он куда-то исчез. В полицию она не обращалась. Надеется, что объявится сам.

Как это было похоже на Валеру Шпака. Распустить больных по домам, чтобы не заморачиваться с лечением. Кто потом сможет доказать, что в момент выписки сумасшедшему Ашиеву не стало лучше?

– Так что поговорить с вашим пациентом мне не удалось. Я не говорил, что мне не известно его имя, я лишь предложил вам его не называть. Кажется, именно этого требует врачебная этика. Обманывать вас я не собирался.

Попытка извиниться была принята. Выходило, что негр лукавил только для того, чтобы облегчить диалог.

– О чем вы собирались спросить?

– Прежде всего меня интересует, как изменился Ашиев в интеллектуальном и личностном плане за время пребывания в больнице. Расскажите мне о своих наблюдениях.

– К тому, что было написано в журнале, мне практически нечего добавить. Замкнутый меланхолик. Шизофрения, маниакально депрессивный психоз. С двумя личностями в одной голове он поступил в больницу, с двумя, уверен, ее и покинул. Сначала мне казалось его обращение к собственному альтер эго весьма остроумным. Он называл его «Мистер Хайд». Читали этот роман – «Доктор Джекилл и мистер Хайд»? Не помню, кто написал. А потом я сообразил, что в его словах нет ни иронии, ни критического отношения к собственным ощущениям. Он обращался так к самому себе и вполне серьезно. Ну, и главное. У него возникло патологическое любопытство ко всему происходящему. Собственно это обстоятельство и составляет ядро моей исследовательской работы. Он смотрел «Волд оф Сайенс» с утра до вечера. Не знаю, понимал ли он хоть слово. Как-то пациент Ашиев попросил у меня посмотреть сотовый телефон. Я отказал. Но вместо телефона дал ему калькулятор. Так он, не отрываясь, давил на клавиши три дня подряд.

– В статье вы писали, что больного мучают кошмары. Он никогда не рассказывал вам, что именно ему снится?

– В Германии снова популярен Фрейд? Этот мир точно движется по кругу. Конечно, Ашиев много говорил об этом. Какая-то чушь, белиберда, и каждую ночь разная. Боюсь, я не смогу поведать вам от начала до конца ни одной его истории. Могу лишь сказать, что главными героями его сновидений часто были отец Игнат, барин и голодная дочка. Вам это о чем-то говорит?

– Нет, – негр перевел взгляд на правое ухо Перова. Похоже, он только что соврал.

– А что насчет аппетита и его гастрономических предпочтений?

Перов рассмеялся.

– Не знаю. Поговорите с нашим поваром. Но вообще-то он редко готовит под заказ.

– Напрасно смеетесь. Это очень важный момент. Тяга к терпким вкусам, в первую очередь к имбирию, в меньшей степени к корице, хрену и горчице – это один из основных маркерных признаков инфекции, – негр произнес ключевое слово, и веселье Перова улетучилось. Несмотря на десятки отрицательных анализов и мнение коллег, он был по-прежнему уверен, что причина заболевания Ашиева – инфекционная. Внезапный дебют. Стремительное развитие болезни. Угнетение двигательных функций. Слишком много случайных совпадений.

– О какой инфекции идет речь?

– Толком не знаю. Не могу вам сказать.

– Мы же договаривались с вами, что будем говорить начистоту.

– Я действительно не знаю. Думаю, речь идет о каком-то новом, неизвестном науке возбудителе. Я не знаю, грибок это, вирус или бактерия. Но это инфекция. Болезнь передается от человека к человеку. Я почти уверен, что через пару недель у вас появятся похожие пациенты. Я не знаю, что это за микроорганизм, но знаю, где его надо искать. Я был в городском водоканале. Там работал Ашиев. Его уволили за прогулы еще в мае. За символическую плату начальник ПТО, в котором работал больной, поднял табели и разрядки. В течение двух недель до умопомешательства Ашиев проводил плановые ремонтно-профилактические работы на шестом коллекторе ливневой канализации. Там он и подцепил эту дрянь.

– Вы собираетесь обследовать городскую канализацию?

– Я уже сделал это. Не могу сказать наверняка, но мне кажется, я нашел то, что искал.

– Новая, неизвестная науке инфекция? Если так, то поздравляю. Вы на пороге крупного открытия.

– Оно намного крупнее, чем может показаться на первый взгляд. Доктор, у меня к вам будет одна просьба. Если вдруг Ашиев вернется – речь идет о ближайших двух-трех неделях – или появятся другие необычные пациенты, дайте мне знать, – негр протянул визитку на английском. На обратной стороне ручкой был написан телефонный номер. – Спасибо, что согласились встретиться. И извините, что попытался хитрить. Как ученый вы должны меня понять. Я делал это исключительно в научных целях, – негр встал с дивана и протянул белесую, словно постиранную ладонь.

– Приятно было познакомиться, доктор.

– Взаимно. Если что, обязательно позвоню. Кстати, не торопитесь уходить. Хочу вам дать с собой салата. Отличный вкус. Плюс куча целебных свойств.

8.

За минувшие три часа Валя просыпался трижды: два раза на раздолбанном кресле около бытовки и один раз у прилавка. Там он задремал стоя, прислонившись к дверному косяку, как ковбой в вестернах.

– Эй! Ты меня слышишь? – перед ним стоял лысый мужик в кепке и протягивал накладную.

Вряд ли он мог долго спать стоя, скорее, отключился на несколько секунд. Валя молча взял бумагу и сомнабулой побрел вглубь склада вдоль шестиэтажных стеллажей. Два валика, уайт-спирит и банка голубой краски «Гамма».

За минувшую ночь он не прилег. Снова вызывали неотложку. Мама захрипела около двух. Когда он вошел к ней в спальню, включил свет, она была без сознания. Глаза закатились, рот был широко раскрыт, а скрюченные пальцы сжимали фотографию с тумбочки.

Врачи приехали быстро. Померили давление. Двести двадцать на сто. После укола стало лучше. Она пришла в себя и смогла разговаривать с врачом.

– Вам же прописывали капотен. Почему не пьете?

– Дорого.

– Экономите? Похороны выйдут дороже.

Валя снова проснулся и ударился затылком об коробку с плиткой. Теперь уже он сидел на нижней полке. Где накладная? Сколько он спал? Тот в кепке все еще ждет? Нет, кажется, он все-таки отнес ему валики и краску. Надо проверить по накладным.

У прилавка собралась очередь. Подошел Ефимов.

– Давай пошевеливайся, студент.

Ефимов был получеловеком. От человека в нем остался внешний вид и способность говорить. Все остальное представляло собой смесь из сущности различных животных. Основная часть этого винегрета приходилась на шакала и свинью.

– Двенадцать банок «Полисандра», – парень в спецовке протянул Вале бумагу.

– На машине? Подъезжайте к соседним воротам, сейчас вынесу.

Лак был любимым Валиным товаром: в дальнем углу, где он лежал, пыли почти не было, а за стеной всегда играл приемник. Музыкальные предпочтения Вали и ребят из соседнего склада «Промтоваров» полностью совпадали. Лак был расфасован в удобные коробки по двенадцать килограммов, грузить которые было одно удовольствие.

Твой отец приемщик стеклопосуды,
Твоя мать уборщица в посольстве,

Он сын твоего отца, но тебе не брат,
Дура, ты решила жить с ними по совести.

«Белая ворона» – одна из лучших вещей «Чайфа». Задумчивое старье обычно поднимало настроение. Но сегодня ни удобная упаковка, ни музыка за стеной не работали. Он слишком сильно хотел спать.

Парень с лаком в багажнике укатил. Валя наткнул отработанный накладную на гвоздь и снова заснул. На этот раз с открытыми глазами. Со стороны это выглядело, будто он долго смотрел вслед отъехавшей машине.

– Эй, студент, четыре палеты с новороссийским цементом ко вторым воротам.

Ефимов стоял перед воротами склада, но внутрь не заходил – боялся пыли.

Валя достал из кармана телефон. Двенадцать ноль восемь.

– Уже обед.

– Обед для тех, кто его заработал. Потом поешь. Давай быстрее.

Валя вспомнил надпись на стене склада, спрятанную за штабелями с товаром. Он видел ее только однажды, когда в мае выносил последний брикет со стекловатой. Привет из прошлого. Красным на сером бетоне было написано «ARBAIT MANT FREI». Если бы можно было поставить «лайк» автору, Валя бы непременно это сделал. На базе не было слепящих прожекторов, разрывающихся от лая собак, вышек, вооруженной охраны со свастикой на рукаве и губными гармошками в карманах, тем не менее лагерный дух был осязаем.

Перерыв для него наступил на двадцать минут позже положенного. Прежде чем преступить к трапезе, он набрал телефон мамы.

– Как здоровье?

– Сейчас лучше. Но стошнило. Ничего не могу есть. Это все из-за химии.

– А давление?

– Сто сорок на девяносто.

– Ну, ничего. Бывало и хуже. Ты сегодня в магазин не ходи. Отлежись. Я хлеба по пути с работы возьму. Хорошо? Тогда до вечера.

Крана на складе не было. Чтобы не идти в контору, он полил себе на руки из пластиковой бутылки, умылся и вытер лицо майкой.

Залитая кипятком лапша чуть разбухла и стремилась вылезти из тарелки. Он высыпал приправу, а пакетик с рыжевато-желтой жидкостью, условно названной «бульон», от которого у него бывала изжога, отложил в сторону.

Последний раз в столовой он ел в прошлом месяце. В тот день, когда в меню напротив надписи «Суп лапша куриная» вместо «32» появилось «84».

Вчера вечером, когда Валя сдавал продырявленные накладные в бухгалтерию, он спросил про аванс.

– В этом месяце не будет, – не отрывая глаз от раскрытого на середине «Каравана историй», ответила кассирша и что-то еще добавила про кризис.

На заднем дворе, куда вела дверь пожарного выхода, было жарко и безлюдно.

Он ел, неторопливо пережевывая пищу, глядя, как под крышу соседнего склада забирались голуби. В «Стройматериалах» голубей не было. Слишком пыльно.

К четвергу надо было подготовиться к философии (девяносто шесть вопросов). Лекций по философии у него не было. Отличный повод позвонить Васильевой. Хотя нет. Лучше он напишет ей вечером в «Одноклассниках».

9.

Кроме Анжелы посетителей не было. Маша взяла пилочку для ногтей и склонилась над лампой.

– Под фортепьяно? – Маша была в курсе ее музыкальных увлечений.

– Нет. Вдвое длиннее обычного и подточи их.

– В смысле закруглить?

– В смысле сделать острыми.

Брови на лице Маши поднялись и опустились.

– Любой каприз за ваши деньги. Как всегда белые?

– Лучше красные.

– Отлично. Острые и красные. Немного агрессии будет как раз в вашем стиле.

Подушечка под левой рукой, тубики и флаконы на полочке, пешеходы за окном – все выглядело немного необычно, хотя все было как всегда. Это она сама стала немного другой.

– Что-то вы сегодня неважно выглядите.

– И чувствую себя так же.

В два широких мазка кисточка покрыла ноготь красным.

– Вам нужно отдохнуть. Сходите в кино. Или пригласите кого-нибудь в гости.

Гости. «Войди в меня». Он так и не дождался от нее этих слов. Она не пригласила его, но и не смогла выгнать.

«Думаешь, твое “нет” что-то значит? Какого черта ты упрямишься?»

Какого черта ты или какого черта я? Был ли голос частью ее сознания или чем-то еще? Собеседник был непредсказуем, хитер, иногда вспыльчив, знал то, о чем не знала она, но не знал всего, что было ей известно. Совершенно независимое и незнакомое альтер эго. Откуда он взялся? Результат бесплодных музыкальных упражнений или ежедневного унижения в «Стране грез»? Впрочем, не все ли равно – как и почему. Вопрос в том, что ей теперь делать?

Вариант первый. Оставить все как есть. Кому плохо от этих разговоров? Она никому не причиняет вреда. Для нее самой они пока что не слишком обременительны. Если голос окажется излишне навязчив, будет мешать ей спать, есть, работать, играть на пианино, она обратится к специалисту за помощью. А пока можно все оставить как есть. К тому же – как знать, может, текущие изменения в психике – это результат ее творчества и необходимое условие создания действительно стоящей музыки. Говорят же, что многие из великих (Гойя, Ван Гог, Врубель, Гоголь, Бодлер) были не в своем уме. Она вспомнила фильм «Игры разума». Рассел Кроу ужился со своей болезнью. Сможет и она.

Вариант второй. Обратиться к врачу. Но что могут предложить врачи? Открой «Гугл». Шизофрения – психическое заболевание, часто неизлечимое. Начнут вытирать лишнее? А вдруг перестараются. Кто может сказать, где им следует остановиться? Уничтожение пациента как метод лечения. В таком случае она предпочитает оставаться больной. Не стоит делать из мухи слона. Все не настолько плохо, чтобы идти в больницу. К тому же психология – не хирургия. Пропишут таблетки, которые, в принципе, можно купить и без постороннего участия.

Вариант третий. Поискать решение проблемы самостоятельно. Интернет, справочники. Почитать про лекарства. Показания к применению, отзывы. Что-нибудь не слишком жесткое – чуть серьезней, чем настойка пустырника. Если возникнет проблема с рецептом, через Людку она попросит Веру Андреевну.

– Ого. Как это вас угораздило?

Маша разогнулась и выключила лампу. Анжела рассеянно поднесла руку к глазам. Под слоем белого акрила ноготь был фиолетово-синим.

– Нелепая случайность, – это было только предположение. Реальной причины она не знала. Забыла, как ударила, или не почувствовала. Еще один мелкий штрих к картине «Голоса в моей голове».

10.

После смерти водопроводчика Солнце шестнадцать раз сменило Луну, а он по-прежнему топтался на месте и снова проигрывал своему старейшему и главному сопернику – Времени.

Проститутка упрячилась. Попытки через нее обрести новые формы проваливались одна за одной. Она не старалась выполнить задание, и думала только о том, как бы поскорее выбросить его из себя. Дело было не в том, что он выбрал неправильный подход. Причина заключалась в особенностях формы. Что на уговоры, что на угрозы – реакция была одинаковой.

Еще хуже дело обстояло с насекомыми. Он не просто заполнил их – он провалился в эту дикую коллективную форму, как в западню. Проклятый ученый! Инфицирование насекомых в естественных условиях было бы невозможным. Негр создал огромную проблему, жертвой которой, скорее всего, станет и он сам.

Уже сейчас было ясно, что он не сможет продвинуться всерьез до тех пор, пока муравьи живы. Результатом одновременного заполнения форм, находящихся на разных ступенях эволюции, будут всегда гибридные формы, которые невозможно вписать в общий план развития. А это побочный продукт, подлежащий уничтожению. Очень скоро вместо поглощения новых форм он будет сражаться с собственной тенью, что намного больше, чем отрезать себе конечность или выколоть глаз. Но если муравьев не остановить, они превратят Сольск в дурдом под открытым небом. Это не входит в его планы.

Он должен уничтожить муравьев на их же территории. После битвы мирового масштаба в прошлом перерождении ему предстояло сражение на половине квадратного метра аквариума. И нельзя сказать, чтобы эта битва обещала быть легкой.

Дикие формы – самый неудобный противник именно по причине отсутствия интеллекта. Только воля – огромная, сложенная из миллионов индивидов, дикая и неуправляемая. В муравейнике он чувствовал себя как дипломат экстра-класса, случайно оказавшийся в клетке с тиграми. Весь его ум и опыт не значили здесь ничего. Но формы проникают друг в друга. Источник проблем одновременно служит и ключом к их разрешению. Впуская в себя высшие формы, низшие становятся немного умнее. И после этого с ними уже можно найти общий язык.

Когда муравьи станут достаточно умны, он подкинет им идею. Что-нибудь очень простое. Например, им понадобится новый муравейник. Но вот беда – в аквариуме напряженно со стройматериалами. Новая стройка потребует самопожертвования. В прямом смысле слова.

11.

Дима работал торговым представителем в продуктовой торговой сети «Астра». Предприятие было достаточно крупным: две сотни покупателей – от торговых палаток до супермаркетов, столько же поставщиков и месячный оборот в двадцать миллионов рублей.

Каждый день с утра до обеда Дима объезжал закрепленные за ним торговые точки, принимая заказы от покупателей, предлагая новые продукты и собирая долги за поставленный ранее товар. После обеда он передавал заявки начальнице отдела Ирине. За Димой было закреплено восемнадцать клиентов, в том числе два больших магазина. За месяц по его заявкам предприятие отпускало товаров на сумму около миллиона. Четыреста тысяч из них проходили наличными через руки Димы.

– Где деньги? – Тарасов, исполнительный директор «Астры», крепко сжав кулаки и отведя назад плечи, смотрел ненавидящим взглядом поверх узких очков.

Диме казалось, что сейчас он бросится на него через стол.

– Владимир Николаевич, я же вам только что все рассказал. Их украли. Я даже не сразу понял, что произошло. А потом смотрю – барсетки нету.

В Диме было сто двадцать шесть килограммов веса, и его красное лицо дрожало как вишневое желе.

– Как у тебя в руках вдруг оказались триста тысяч, когда дневная выручка по твоим точкам не больше восьмидесяти?

– В среду я не успел сдать выручку в кассу. Думал, потом отдам все вместе.

– Хватит с меня этой брехни. Когда ты вернешь мне деньги?

– Максимум через месяц.

– Меня не устраивает через месяц. Я хочу сейчас. Видеть выпученные глаза Тарасова было неприятно и страшно. Дима смотрел в окно за его спиной. За окном светило солнце.

Большинство товаров «Астра» отпускала с отсрочкой платежа в два месяца. Акты сверки взаимных расчетов бухгалтерия делала не чаще одного раза в три месяца, причем передавали эти документы тоже через Диму.

Уже через два месяца работы в «Астре» Дима понял, что может беспрепятственно взять на время из оборота сто тысяч, и никто этого не заметит. Недостача выплывет наружу, только если бухгалтерия сети проведет сверку взаимных расчетов со всеми его клиентами разом. Ситуация теоретически возможная, но крайне маловероятная.

За три года работы в «Астре» Дима много раз заимствовал в конторе необходимые суммы и всегда благополучно выкручивался. Важно было успеть вернуть деньги до Нового года, когда бухгалтерия подбивала окончательные сальдо по контрагентам.

Так могло продолжаться и дальше, если бы однажды Дима не превысил кредитный лимит более чем втрое.

– У меня нет этих денег. Я же говорил.

– Да мне плевать. Ты украл у меня триста тысяч. Так верни мне их.

Дима чувствовал, как горит лицо и нервно дрожат руки, сжимавшие пачку актов сверки.

– Это не я.

– Ты слышишь меня? Отдай мне мои деньги!

Полгода назад Дима решил подзаработать по-крупному.

До торговой сети он работал менеджером по закупкам в «Южной зерновой компании». Оттуда сохранились контакты: телефоны, адреса, знакомства, но самое главное – осталось коммерческое чутье и интерес к спекуляциям на зерновом рынке.

Уже трудясь в «Астре», Дима продолжал интересоваться прогнозами на урожай, состоянием посевов и ценами на зерно. У торгового представителя в пути от одной торговой точки к другой бывает достаточно времени на размышления. У него созрел план, и он ждал подходящего момента.

В апреле этого года время пришло. Дима понял, что цена на пшеницу в июле неизбежно рухнет. На этом он и собирался заработать. Дима открыл ИП, взял кредит в банке, объехал переработчиков и заключил договоры с мельниками на поставку пшеницы. Когда цена на пшеницу составляла семь с половиной рублей, Дима предлагал по шесть рублей за килограмм с поставкой через два месяца. Четверть суммы с покупателей он взял авансом.

Пшеницу к указанному сроку он заготовил. Мельники выбрали товар на сумму аванса и отказались забирать с элеватора остальное, ссылаясь на низкое качество отпускаемого продукта. Никто не хотел переплачивать. Рыночная цена пшеницы на тот момент составляла уже пять рублей.

Проект забуксовал. Цены на зерно сначала ползли вниз, а потом и вовсе безнадежно обвалились. Банк требовал процент по кредиту, элеватор – оплату услуг по хранению. Каждый день съедал шесть тысяч рублей. Дима залез в несанкционированный долг к работодателю,

превысив безопасный лимит втрое. Далее ситуация развивалась еще более неприятно, хотя и вполне предсказуемо.

– В общем так, – Тарасов встал и заходил взад-вперед по кабинету. – Через час либо деньги будут лежать у меня на столе, либо ты будешь лежать в травматологическом отделении больницы. А теперь пошел вон. И не вздумай убежать. Ищи деньги, где хочешь. Ребята помогут тебе собраться с мыслями.

12.

Прохлада в коридоре была казенная. В полумраке коридора люди в погонах быстрым шагом сновали туда-сюда и громко хлопали дверьми. Суд обязал его появляться в этом месте дважды в месяц.

На стене перед входной дверью висела доска с заголовком «Разыскиваются». Почти пустая, если не считать одной фотографии в нижнем левом углу.

12 июля текущего года ушел из дома и не вернулся Ашиев Геннадий Михайлович, 1974 года рождения. Уроженец города Курска. Особые приметы: лицо худое узкое, глаза голубые, от подбородка до нижней губы тонкий ирам. Если вам что-либо известно о местонахождении этого человека, просим немедленно обратиться в любое отделение УВД г. Сольска.

Двадцать четвертый кабинет находился в самом конце коридора. Под номером на синей облезшей табличке золотыми буквами было написано: «Инспектор ФСИН Быков». Перед кабинетом на диванчике сидели двое. Оба коротко стриженные, черные от загара и небритые.

– Кто последний?

Тот, что сидел ближе, уставился на него, словно удав на кролика.

– Ты кого, мля, последним назвал?

Валя замаялся.

– Я имел в виду кто крайний?

Тонкие губы урки расплылись в уродливой улыбке, обнажая за собой редкий ряд гнилых зубов. Он набрал в легкие воздуха, чтобы начать блатной стеб по понятиям, но приятель оборвал его:

– Не кипишуй. Заходи, парень. Свободно, – и кивнул головой на дверь.

– Спасибо.

Валя постучал и заглянул в прокуренный кабинет. У окна сквозь дым едва виднелась темная человеческая фигура.

– Можно?

– Фамилия?

Валя вспомнил анекдот, рассказанный Ургантом про старого еврея. Второй раз за минуту ему отвечали вопросом на вопрос.

– Жуков.

– Заходи.

Сквозняк от двери вытянул дым в раскрытое окно. Расплывчатая фигура превратилась в человека в форме. В памяти всплыл лязг решеток клетки в зале суда. «Руки за спину, лицом к стене». «Встать, суд идет».

По эту сторону двери он чувствовал себя не лучше, чем по ту.

На стене висел портрет президента. Поток горячего воздуха из вентилятора шевелил бумажки на столе.

– Как дела, Жуков? – полицейский похлопал его по плечу. Несмотря на утренний час, рубашка на нем смялась, а под мышками выступили темные круги пота. Полицейский курил, и сизый дым медленно плыл к потолку.

– Нормально, – Валя сел на край ближайшего к выходу стула.

– Да ты не робей. Первый раз всегда стремно. А потом ничего, привыкаешь.

У Вали не было подобных планов на потом, но он не стал говорить об этом. Лучше коротко отвечать на вопросы. В идеале односложно: «да» или «нет». Что менты, что урки: прицепятся к слову, потом не отвяжешься.

Инспектор достал с полки тонкую папку в несколько листов. В правом верхнем углу первой страницы была вклеена Валина фотография.

– Так, сегодня двадцать второе, четверг. Есть. Прибыл вовремя. Пока идем по расписанию. Вот твоя подписка о невыезде, – инспектор открепил от остальных бумаг листок, подвинул его к Вале и протянул авторучку.

– Черта города для тебя буюк. Заплывешь – утонешь. Усек?

– Да.

Рука инспектора снова легла Вале на плечо.

– Ты что как неродной? Расслабься. Чай будешь?

– Нет. Спасибо.

От этого панибратства было особенно неуютно. Так же по-приятельски с ним разговаривал сначала дознаватель, а потом следователь, прежде чем он оказался на скамье подсудимых.

– Учишься?

– Да.

– Справку с места учебы.

– Так каникулы. Все в отпусках.

– Это меня не касается. Здесь написано – справка, значит справка. И не затягивай, – инспектор уставился на него немигающим взглядом. – А что ты такой грустный? Радоваться надо. Живой, здоровый, на свободе. Мог бы сейчас в четырех стенах на тахте сидеть. Тебе сейчас сколько? – он заглянул в анкету и провел пальцем по столбцу вниз. – Семнадцать полных лет. Вообще шикарно. Считай, джекпот сорвал. От армии отмазался. С судимостью не берут. От счастья прыгать до потолка надо, а ты киснешь.

– Мать болеет. С утра опять плохо было.

– Все время от времени болеют, и даже иногда умирают. Так что ты на этом сильно не сосредотачивайся, – инспектор покачал головой, задумался и выпустил вверх облако едкого дыма. – Нам придется повозиться с тобой, но мы все равно сделаем из тебя человека. Такого, каким он должен быть. И главное, Жуков, мой тебе совет, – он захлопнул папку. Улыбка вдруг исчезла с его лица. – Не сваляй дурака. Помни, что попасть за решетку всегда намного легче, чем оттуда выбраться. Любое, даже самое мелкое правонарушение может превратить условный срок в реальный. А пока – свободен. До вторника.

13.

Дима побитой собакой вышел из кабинета директора. В приемной секретарша Лена с отсутствующим видом стучала по клавиатуре. Она слышала, если не весь разговор, то большую его часть точно. Тарасов орал как резаный.

Дима положил на край стола измятые акты сверок. Лена даже не повернулась. Он хотел сказать ей что-нибудь отвлеченное и веселое, чтобы она знала, что ему плевать на наезды начальства, но ничего не приходило на ум, а продолжительная пауза нагнетала обстановку.

Он молча вышел в коридор, а через него на улицу. За ним проследовали два охранника.

– Эскорт? – подумал он и тут же ухмыльнулся своей мнительности.

Ребята просто вышли покурить. «Астра» – это всего лишь большой магазин, а не мафиозный синдикат. Он задрал рукав и посмотрел на часы, по привычке любовно задерживая взгляд на позолоченном хронометре. Дима носил дорогую реплику «Ролекса», отличить которую от оригинала смог бы только специалист.

Третий день он путешествовал на перекладных. «Мерседес» стоял на ремонте. Полетел правый рычаг подвески на переднем колесе и оба амортизатора. Триста километров каждый день по разбитым дорогам выходили боком. Впрочем, и возраст машины – пятнадцать лет – тоже был почтенным. Мастер обещал закончить работу к четвергу. Остатка тарасовских денег должно было хватить, чтобы рассчитаться за ремонт.

Пройдя квартал, Дима как бы невзначай обернулся, чтобы окончательно развеять глупые фантазии о слежке. Соблюдая дистанцию в пятьдесят метров, два охранника молча следовали за ним.

Дима пошел быстрее. Жир на груди и животе неприятно запрыгал, отбивая каждый шаг.

Он шел по улице, куда глаза глядят, стараясь, чтобы со стороны его движение выглядело направленным. Ребята сзади должны думать, что он идет за деньгами и точно знает куда.

– Сволочи, – оглядываясь назад, пробормотал под нос Дима, чувствуя, как пот течет по внутренней стороне левого бедра. «Должно быть, трусы уже промокли, – подумал он. – Скоро на штанах проступит темное пятно, как будто я обмочился».

Охранники уверенно продолжали преследование, сохраняя дистанцию и, похоже, не беспокоясь о конспирации.

Дима прошел еще два квартала и сбросил темп втрое. Прогулочным шагом он подошел к перекрестку. Светофор заморгал зеленой фигуркой человека, и Дима рванул через дорогу.

Автомобильный поток двинулся, отрезав преследователей от него.

До этого последний раз Дима бегал на уроке физкультуре. Полтора километра за двенадцать минут были не только худшим результатом в классе, но и, по мнению физрука, абсолютным антирекордом школы.

Он повернул за угол и очутился на безлюдной улочке с тополями по обе стороны дороги. Частные дома – ни подворотен, ни подъездов. Выигранные десять секунд стремительно таяли. Шансы скрыться от преследователей, поднажав на педали, были нулевыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.